

Мария Романушко

БОРИС СУДАРОВ

человек, прошедший через
эпицентр атомного взрыва

ВСТРЕЧИ НА БЕРЕГУ

диалог-путешествие

Мария Романушко
Борис Сударов: человек,
прошедший через эпицентр
атомного взрыва... Встречи
на берегу: диалог-путешествие

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60968042
ISBN 9785005151537*

Аннотация

Главный герой книги – Борис Иванович Сударов. Человек, волей судьбы, оказавшийся когда-то на испытаниях атомной бомбы в 1954 году на Тоцком полигоне. И прошедший через эпицентр атомного взрыва. Человек, который на протяжении 30 лет работал на Всесоюзном радио. Он делал «Театр у микрофона», который слушали и любили миллионы людей. Второй главный герой книги – это автор. Они и стали содержанием этой книги необычного жанра: диалог-путешествие.

Содержание

ВСТРЕЧИ НА БЕРЕГУ	6
Прелюдия	7
Письмо самой себе	9
День рождения и последствия	11
Глава 1. Ответ на молитву	13
Встреча первая. 15 июля 2016 года	14
21 июля. Встреча вторая. Заговори с незнакомым человеком	25
25 июля, вечер, встреча третья	35
Встреча четвёртая. 26 июля	62
30 июля, встреча пятая	74
День за днём	85
Глава 2. Приключение на берегу	87
1 августа. Разворот сюжета, которого никто не ждал	87
Рассказ Сударова про отца: Кларнетист- кондитер	103
Рассказ Сударова о детстве: он любил мороженое и мечтал стать генералом	109
Ночью я читала в Интернете про город Мстиславль	119
На следующий день	121
Рассказ Сударова про начало войны: Чёрный	128

репродуктор и белая лошадка	
Рассказ Сударова про брата Владимира, которого не дождалась любимая девушка	136
Рассказ Сударова о поступлении в спецшколу: Запах жареной картошки, который запомнился на всю жизнь...	140
Спецшкола в Илеке. Река Урал, в которой утонул Чапаев...	143
В оранжевой прихожей, прощаясь	148
Спектакль по новеллам Енгибарова	149
Конец ознакомительного фрагмента.	151

**Борис Сударов: человек,
прошедший через эпицентр
атомного взрыва...
Встречи на берегу:
диалог-путешествие**

Мария Романушко

© Мария Романушко, 2020

ISBN 978-5-0051-5153-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТРЕЧИ НА БЕРЕГУ

диалог-путешествие

*Посвящается Борису Ивановичу Сударову,
с любовью и благодарностью*

21 июля 2016 года на берегу нашей бухты я увидела человека. И спросила его: «Ваше имя Антонио Бареш?» Мне вдруг показалось, что это – он. Показалось неделю назад. Хотя этого человека я уже видела не раз, и мне так не казалось. Только проносила мысль: «Вот, Антонио в таком же возрасте сейчас, наверное...»

Прелюдия

Последнее время я вижу на улицах только пожилых мужчин. Я вглядываюсь в каждого из них и думаю: интересно, каким стал Антонио?.. Узнала бы я его?.. И неужели судьба не подарит мне возможность сказать ему своё «спасибо»? Столько лет я ищу его...

Помнится: в начале весны, долго ожидая автобуса на остановке и провожая взглядом сгорбленного и шаркающего старика, я подумала: может, я должна сказать спасибо ему? Или каждому из них? Может, весь смысл моего поиска именно в этом? Именно в том, чтобы я сказала мысленно (а как ещё возможно это сделать?) каждому встречному старику спасибо. Ведь каждый из них достоин этого «спасибо», но редко кто из них удостоивается слов благодарности от своих близких...

* * *

А однажды я встретила на почте этого человека. Я отправляла бандероль с книгами, что делаю довольно-таки часто. Мои читатели заказывают у меня книги. Обычно, сидя в очереди, я работаю – пишу себе следующую книгу... Но в какой-то момент что-то заставило меня оторваться от ручки и от бумаги. И я увидела этого мужчину. Он меня поразил. Поразила его походка – быстрая и упругая, как у снежного

барса, и удивила лёгкость, с какой он нёс довольно большую посылку. Он был невысокого роста, очень худой, но чувствовалось, что очень сильный. Подтянутый и собранный, как спортсмен. Или как бывший военный. Прямая спина, сосредоточенный, самоуглублённый взгляд, красивый благородный профиль. Я видела его только в профиль, когда он быстро проходил мимо меня своей энергичной походкой. Хотя лет ему не так уж и мало, наверное, около восьмидесяти. Но я уже знала в своей жизни таких молодых, нестареющих стариков. У меня был друг, с которым я познакомилась, когда ему было 92 года. И это был юноша! Историк театра и цирка Александр Шнеер – он родился в 19 веке, но не собирался стареть. И нам было отпущено девять лет дружбы... В 98 лет он приезжал к нам в гости, чтобы познакомиться с моей годовалой дочкой Ксюшей. А я была на его столетии...

Потом я видела незнакомца на почте ещё несколько раз, и опять мелькала мысль о том, что Антонио тоже в таком же возрасте сейчас... и где-то живёт... куда-то ходит по своим делам... А я всё ищу да ищу его, а он даже не знает об этом...

Письмо самой себе

Было 15 июля, вечер, и я отправилась на берег нашей бухты, потому что решила, что надо возобновить ежевечерние прогулки. Нельзя же только работать и работать. Два дня назад был мой день рождения, а ещё двумя днями раньше был Международный день почты, и я написала себе письмо, в котором пожелала себе не только завершить 17 уже начатых книг, но и немного человечнее относиться к себе. Но заканчивалось письмо грустной фразой о том, что вообще-то ничего не хочется уже, а только НАДО. Путешествий в моей жизни уже не будет, это точно, а я так любила путешествовать... Надо только завершить книги. И надо найти Антонию, потому что, если я что-то начинаю, то довожу это дело до конца. Но, если честно, почти уже не верилось в успех, – в то, что будет какой-то отзвук из мироздания... Столько лет оно, мироздание, глухо к моим просьбам.

Письмо, написанное самой себе, пришло как раз в день моего рождения. Но я даже не стала его распечатывать. Оно так и лежит у меня на столе, запечатанное... И мне почему-то страшно его вскрывать. Страшно, что печаль, запечатанная в нём, вырвется наружу и накроет меня с головой, как волна-цунами...

Последние два года у меня было ощущение, что я живу в пустыне. Я потеряла единственного – последнего друга. То-

го единственного, который звонил мне и спрашивал: «Как ты там, Маша?» Звонил в течение тринадцати лет. Саша Милитов... Он ушёл в вечность. Почему-то раньше меня, хотя был моложе. В этом я видела жуткую несправедливость. Он не должен был уходить первым. И вот, два года мой телефон молчит. И мне позвонить больше некому...

Слава Богу, есть дети. От них приходят весточки и звонки. Дети, которые выросли и разлетелись по свету... Я очень люблю своих детей, но я никогда не была и не буду с ними откровенной, как с Сашей, моим добрым и мудрым психотерапевтом, моим последним другом. У детей – своя жизнь, и незачем их загружать моими проблемами.

Оставался мой любимый маленький кролик. С ним я могла быть откровенной, он меня слушал в долгие бессонные ночи, он меня понимал... Ему по человеческим меркам было уже больше ста лет. В начале июня ушёл и кролик...

И что теперь?.. Спасала только работа – я вводила в компьютер (для новой книги) дневники своих поездок на Украину. Дневников оказалось много. Работы – выше крыши...

День рождения и последствия

А сам день рождения был замечательный! Сын Антон приехал с Северного Кавказа, где он был с лекциями; муж успел вернуться из лагеря, где он вёл литературную студию для особых детей; дочка Ксюша со своим семейством приехала из Нижнего Новгорода – с мужем Юрой и чудесной двухлетней дочуркой Василисой... Пришла сестра Мариша, пришли племянники Марианна и Ефим. И даже Анюта буквально с вокзала примчалась, приехав с юга – старшая дочь моего мужа, а стало быть – и моя. Я была вся в подарках, в цветах и в прекрасных пожеланиях.

А поздно вечером начался сильнейший ураган, потом ливень с градом, и всё это бушевало всю ночь в Москве, ураган повалил и повыкорчёвывал многие деревья. Хотя днём ничто его не предвещало. Днём мы гуляли на Берёзовой аллее всей компанией, с Василиской, была щедрая жара – как и должно быть в середине лета. Но в мироздании произошла какая-то сдвижка... Образовалась в атмосфере какая-то прореха – и всё это вылилось на Москву с июльской щедростью. Июль, вообще, щедрый месяц – на всякие катаклизмы и неожиданности.

А на следующий день дети разъехались...

И я осталась со своим НАДО. Надо завершать книги.

Но всё же решила попробовать хоть чуть-чуть изменить

отношение к себе. Прошлым летом я так заработалась, что потом сентябрь провалялась под капельницами. Такая же история повторилась в марте, после завершения книги «Там, где всегда ветер...»

И, валяясь под капельницами, я думала о том, что прогулки – это всё же и дешевле, и веселее...

Глава 1. Ответ на молитву

15 июля я пришла на берег нашей бухты. Побродила по воде, приятно прохладной, полежала на песке, нежно-тёплом, закрыв глаза, перебирая пальцами шершавые песчинки, и представляя, что я в Сахаре, или ещё где-то далеко, в пустыне...

Моя давняя мечта – окунуть руки в горячий песок пустыни, зарыться в нежный песчаный бархан – вряд ли сбудется в этой жизни. Но можно сказать себе, что вот этот маленький песчаный пляж на берегу нашей бухты – это и есть лакомый кусочек желанной пустыни...

Встреча первая. 15 июля 2016 года

На берегу. После моей горячей молитвы на закате. Я просила Бога об одной-единственной встрече с Антонио Барешем, чтобы сказать ему «спасибо». Господи, ну почему, почему я не могу увидеть этого человека?! Неужели Тебе так трудно это устроить, Господи? Неужели я не заслужила такой малости? Один-единственный раз увидеть человека – своего лучшего друга, своего первого настоящего друга в жизни – и сказать ему «спасибо». Хотя можно и не встречаться, а просто поговорить по телефону. Встречаться, спустя 50 лет, – это, может, и ни к чему вовсе... Мы можем не узнать друг друга. А просто поговорить бы по телефону... Сказать ему: «Я – жива. Спасибо вам! Если бы не вы в той степи, если бы не ваша поддержка, не было бы сейчас ни меня, ни моих детей, ни моих книг. Вы тогда меня спасли – и моя жизнь продолжилась. Спасибо Вам!»

А ещё я просила Бога о друге. Потому что не могу жить без дружбы. Это как без воздуха. Как без воды в пустыне. Почему-то сейчас у меня такое же ощущение, как у той 15-летней девочки, которая помирала от одиночества в степи... Круг замкнулся. Я прожила огромную жизнь – и опять оказалась в точке тех же переживаний, что были у меня в отрочестве.

Я долго смотрела в полыхающее небо, пытаюсь услышать

ответ...

Потом оглянулась – и увидела человека, быстро идущего с горы...

Это был тот самый мужчина – с походкой снежного барса. Он спускался с горы. Он шёл на берег. Что это? – мгновенный ответ на мою просьбу? На мою мольбу? Как будто мне было сказано: «Ты хотела дружить? Вот человек. Дружи с ним».

И только в эту минуту я увидела, как он похож на Антонио... Тот же высокий лоб, те же голубые глаза, и посадка головы, и прямая спина – всё, как у Антонио....

Этот человек, спускающийся сейчас с горы, – ответ на какой из двух вопросов? На какую из двух просьб? Я так потрясена была стремительностью Ответа, что просто онемела. Хотела окликнуть этого человека – и не могла. Да, он был всем похож на Антонио, кроме быстрой походки. Но в том городе, где мы жили когда-то, некуда и незачем было ходить быстро. Три улочки. И Антонио вместе со своими друзьями по вечерам просто прогуливались. Не спеша... Поэтому я никогда не видела его, идущего быстро. А в Москве – другой ритм жизни. Здесь все ходят быстро.

Он прошёл мимо меня, не взглянув на меня, прошёл очень близко. Кроме меня и его, на дороге никого больше не было. Он уходил всё дальше по берегу, и мне всё острее хотелось догнать, окликнуть его, но я не решилась. Стояла на горе, смотрела ему в след и – не могла. Ни догнать, ни

Окликнуть...

* * *

Да, походка снежного барса сильно отличала незнакомца от окружающих. Люди ведь ходят, в основном, расхлябано, в развалку, сутулясь, шаркая. Не идут – а ползут, или тащат себя, волокут. Или бездумно скачут. Как там у Мандельштама? «Мы живём, под собою не чужа страны...»

Так вот: народ, в основной своей массе, живёт, под собою не чужа страны. А незнакомец шёл, упруго чеканя шаг. И при этом делал едва заметный характерный жест правой рукой – как будто отбивал себе ритм. Я в очередной раз подумала, почти уверенно уже, что он – бывший военный. Который участвовал в парадах. Так как незнакомец невысокого роста, то, скорее всего, он был правофланговым; я почему-то подумала, что этот ритмичный жест правой рукой – именно жест правофланговых...

И мне вспомнилось, как в детстве я мечтала о том, чтобы мой отец оказался военным!.. Мы, послевоенные дети, были влюблены в военных. Они все были нашими героями. Они и на самом деле были героями – те, которые победили фашизм. Я не знала, кто по профессии мой отец. Мы его долго ждали откуда-то... Я не задавала маме вопроса: где мой папа? Я чувствовала, что это – тайна. Я думала, что, скорее всего, отец мой – военный, и он где-то на задании. А потом он вернётся, войдёт в наш многоликий, шумный двор

на Философской улице, подхватит меня на руки и посадит себе на плечи... И все увидят, какой у меня отец! Это была моя страстная мечта... Я жила внутри этой мечты, я в ней отогревалась, мне казалось: я слышу запах его военного кителя, кожаных ремней и портупей... Уже тогда, в три года, я умела жить внутри той реальности, которую сама для себя создала. Я и помыслить не могла, что отец мой никакой не военный, а строитель, прораб, и находится не на задании, а был репрессирован, когда мне было всего несколько месяцев от роду, и сидит в сталинских лагерях – в далёкой Монголии...

Но к военным у меня всю жизнь очень тёплое отношение. Мой дед по матери, Андрей Панченко, был царским офицером и его четверо братьев тоже, они были из военного сословия. Стало быть, и прадед был военным. Два старших брата моей одесской бабушки, гречанки Анны Солатакис, тоже были царскими офицерами, а после революции – офицерами Белой армии, она называлась: Русская армия. Это была армия Врангеля, которая ушла в отступление в Константинополь – и не вернулась... И дедушка Жора, Георгий Романушко (по отцовской линии) всю жизнь отдал армии: сражался с фашистами. Это были благородные, красивые, бесстрашные люди, готовые в любую минуту умереть за Родину.

* * *

И вот, я стою у подножья горы, по которой сбегает дорога

на бухту, и по этой дороге, с горы спускается человек с такой вот необычной походкой...

И меня обожгла мысль: а вдруг это он? Вдруг это Антонио?! «Подальше поищешь – поближе найдёшь». Почему, собственно говоря, и нет? Ведь любой человек может оказаться в любом месте земли. Я же оказалась тут. Мог бы и он. Ведь он учился в России. Скорее всего, что так, – слишком уж хорошо он говорил по-русски. И он уже работал в Советском Союзе, мог бы приехать опять, и остаться. Антонио – инженер-механик, в России ему легче найти работу, нежели в его родной Чехии (я так думаю). Он специалист высокого класса, работал на комбинате-гиганте в СССР, в Чехии нет таких больших производств (я так думаю). Мог бы приехать опять на работу в Россию, и остаться тут. А почему нет? Россия – прекрасная страна. Петер Поппер, пражский внук Леонида Енгибарова, захотел же остаться в России. Есть люди, которые могут жить только в большом городе, в большой стране. Я, например.

Хоть я живу практически анахоретом (или анахореткой?), короче – почти ни с кем не общаюсь, перезваниваюсь только с членами своей семьи. А вне семьи – крайне редко с кем-то. Все мои друзья ушли на Небо... Все были намного старше меня. Последний друг оставил меня два года назад. Хотя он, единственный, кто был моложе меня, – Саша Милитов, мой добрый психотерапевт. И я сказала себе, что друзей у меня больше не будет. Откуда им взяться?..

* * *

Тринадцать лет уже я ищу чеха Антонио Бареша, моего ангела-спасителя. Моего дорогого, бескорыстного друга. Человека, который научил меня благодарить – за каждый день жизни. Научил молиться. Спасибо тебе, Антонио! Если бы не ты... моя жизнь была бы совсем другой, если бы, вообще, была...

Каких только попыток я не делала, чтобы найти тебя! Трудно все перечислить. Две мои чешские подруги, Эва Маленова и Вера Дворжакова, изо всех сил старались мне помочь. Эва обзвонила всех Барешей, которых нашла в телефонной книге. Вера нашла твоего друга Иржи, который работал вместе с тобой в том городке в степи, но у Иржи утрата памяти, и он ничегошеньки не помнит...

Я писала в тот степной городок на Украине, где пересеклись полвека назад наши с тобой пути, и где на пустынной улочке мы виделись и говорили в последний раз – 25 мая 1967 года. Увы, никакой информации о тебе в том городе не сохранилось. Хотя есть музей города, в котором о многих что-то сказано: о тех, кто начинал строить этот город и комбинат по переработке титановых руд – самый большой в Европе и третий в мире. Я была уверена, что о пяти чехах-специалистах, которые устанавливали на этом комбинате чешское оборудование, два года работали на комбинате, – о них-то должна быть информация. Но – ни слова. Вот она – ис-

тория! Где её объективность? Совсем недавно это всё было, всего-то 50 лет прошло, – и уже многое покрыто молчанием.

Писала в «Жди меня», писала в аналогичную чешскую телепередачу «Письмо для тебя», – безрезультатно. Написала всем своим друзьям, живущим за рубежом. Выложила в Фейсбуке информацию о том, что ищу Антонио Бареша, на трёх языках: русском, чешском и английском. У Антонио были два маленьких сына. В настоящее время тому и другому немного за пятьдесят. У них, наверное, есть дети – внуки Антонио. Никто не отозвался... Писала в Прагу актёру с такой фамилией, писала опять же в Прагу директору института египтологии с такой фамилией, писала им несколько раз, – ни тот, ни другой не ответил.

Я написала всем-всем людям по фамилии Бареш, которых нашла в Фейсбуке, около полусотни писем. Ответили мне сочувственно только три человека – нет, они не знают того Бареша, которого я ищу. Давала заявку в чешское МВД, мне ответили, что да, они, в принципе, могут найти этого человека, но не имеют права сказать мне о результате поиска. Вот так! Почему? А потому, что я – не гражданка Чехии, и я – не родственница искомого Антонио Бареша.

Попросила знакомого режиссёра из Праги, Онджея Сухого, выставить моё письмо о поиске на его странице. Он сделал это, моё письмо перепостили человек семьдесят, – и никакого результата! Задружилась с Русским культурным центром в Праге, выслала для библиотеки Центра книги про Ен-

гибарова (которого там помнят и любят) и роман «Там, где всегда ветер», где рассказано об Антонио Бареше, и о том, какую роль сыграл он в моей жизни. Я подумала: он так хорошо знает русский язык, может, он ходит в библиотеку Русского культурного центра? Мне ответили, что нет, человек, которого я ищу, к ним не ходит. Жаль...

Сотрудники Русского культурного центра предложили написать на телепередачу «Письмо для тебя». Но я уже это сделала, и всё впустую. Потому что они на самом деле никакого глобального поиска не ведут. Просто во время одной из передач делают объявление: что вот, мол, кто-то ищет такого-то человека. Но если этот (искомый) человек не услышал о том, что его ищут, то он об этом и не узнает. На их сайте тоже вывешивается это объявление. Но что толку? Они даже не захотели опубликовать фото Антонио Бареша. И кто может догадаться о том, что ищут именно этого человека? Имя у него и фамилия не очень редкие для Чехии. Это как объявить в «Жди меня», о том, что разыскивается, например, Сергей Иванов. И – не сказать ничего более. Людей по имени «Сергей Иванов» у нас полно. Даже если тот самый Сергей Иванов услышит это объявление, – откуда он догадается, что разыскивают именно его???

Уже и внук Енгибарова включился в поиск. И всё – безрезультатно. ПОКА безрезультатно.

Господи, говорю я, Чехия так близко, и она такая маленькая, неужели нельзя найти Антонио Бареша? Людей с такой

фамилией всего полторы тысячи на всю Чехию – это как жильцов одного большого московского дома, – ну, почему, Господи, он никак не отыщется – мой дорогой друг? Человек всё-таки не иголка в стогу сена. Мне кажется, за 13 лет поиска можно было бы найти даже иголку в стогу...

* * *

Недавно я перечитала свою новеллу «Возвращение», которая посвящена Антонио Барешу и написана мной в далёкой юности, когда я была десятиклассница. В этой новелле герой уехал, а потом, через много лет вернулся, и она – не узнала его... (Она – то есть – я). Не узнала я его потому, что слишком много времени прошло...

И вдруг меня как ошпарило: а вдруг Антонио ходит мимо меня, а я не узнаю его?! Так ведь и он не узнаёт меня! А как ему меня узнать, даже если это он? Мы расстались с ним полвека назад на улочке крошечного секретного городка, затерянного в степях Украины... Последняя наша встреча была именно там. На следующий день он уехал в Чехию, точнее – в Чехословакию, тогда это была одна страна. Уехал домой. Может, он думает, что я до сих пор живу в том засекреченном городке?.. Он же не знает, что я вскоре тоже уехала из той степи – в Москву.

* * *

И вот я столкнулась с незнакомцем на берегу нашей бухты. Дорога от бухты идёт в гору, довольно круто, а бухта –

внизу. А этот человек шёл вниз, с горы. Он шёл быстро, энергично, упруго. Походкой снежного барса. Он прошёл мимо меня. Не взглянув на меня. Хотя, кроме меня, на этой дороге-горе никого не было. И он прошёл очень близко от меня. Но этот человек смотрел не во вне, а внутрь себя. Наверное, если бы я стояла у него на пути, прямо по курсу, он бы прошёл сквозь меня... Такой он сосредоточенный на чём-то своём, что ничего не видит вокруг себя.

Мне хотелось окликнуть его, как 50 лет назад я окликнула Антонио: «Куда же вы?» Но я не окликнула его. Нерешительность сковала меня. Я долго смотрела ему вслед... Мне хотелось догнать его и спросить: «Скажите, вы – Антонио Бареш?» Но я не догнала его и не спросила. О, эта моя всегдашняя застенчивость, как же она мне порой мешает в жизни!

* * *

Прошла неделя. А если быть точной, то пять дней. Я этого человека больше не встречала. Я и прежде видела его редко, всего несколько раз. И я очень ругала себя. Может, это была единственная возможность, единственный шанс поговорить с ним? Вдруг он уехал? Вдруг это действительно был Антонио – и он уехал?.. Бывает же, что человек уезжает, и даже навсегда. Он уже уезжал когда-то навсегда – из той степи... Может, он перед отъездом ходил попрощаться с бухтой? Я ведь всегда прощаюсь, если уезжаю, – прощаюсь с рекой, сте-

пью, или с морем... Бывает же, что люди ведут себя похоже, правда? Тем более, если они похожи внутренне. А мы с Антонио очень похожи. И вот, теперь я никогда не узнаю: Антонио это был – или нет?..

Я страшно ругала себя за нерешительность. И мне было очень стыдно перед Богом. Я Его горячо просила о встрече – Он мне мгновенно ответил! И я упустила свой шанс... Так зачем тогда, вообще, откликаться на мои молитвы, если я такая трусиха? Мне было очень-очень стыдно. Внутри я просто сгорала от стыда. И без конца повторяла: «Господи, прости мне мою слабость!»

В эти непростые дни, бесконечные пять дней испепеляющего стыда, я придумала в эти дни сюжет для небольшого фантастического рассказа: о том, как наша вселенная начала сжиматься (она ведь и на самом деле когда-нибудь начнёт сжиматься), и вот она сжимается, сжимается... И сжалась в итоге до размеров нашего Левобережного района на севере Москвы. И все, кого я ищу, и кого хочу увидеть, – они все оказались тут. Все тут, рядом! Этот сюжет очень согрел меня – как будто процесс сжатия вселенной уже был запущен...

21 июля. Встреча вторая. Заговори с незнакомым человеком

И вот настало 21 июля. Я собралась вечером на бухту. Последнее время каждый вечер благоразумно гуляю, потому что не хочу довести себя работой до такого состояния, когда работать уже нет сил. Как было год назад, прошлым летом. Так, любя нашу бухту, я за всё прошлое лето ни разу не выбралась сюда.

Итак, настало 21 июля. Я собралась на ежевечернюю прогулку. Целый день работала над новой книгой, и мне надо было проветрить мозги.

Отправляясь на прогулку, я положила в рюкзачок свою книгу «Там, где всегда ветер», не так давно вышедшую, – роман о моём отрочестве. Я была почему-то уверена, что вернусь домой без неё, что я книгу кому-то подарю.

Вечер был холодный и ветреный, половина девятого, серели сумерки... На берегу – никого. Только на спортплощадке у одной из сеток молодые люди азартно играли в пляжный волейбол. А вдоль берега плавали караваны уток. И – ни одной души, кому я могла бы подарить свою книгу. Странно... Неужели предчувствие меня обмануло?

Я села на холодную скамью. Смотрела на бухту, на уток, на лес на другом берегу... И тут я увидела его. Он бодро шёл по дорожке через пляж. Он не уехал!!! Он – здесь! Мужчина

с походкой снежного барса. Лет ему на вид 88, а то и все 90, но при этом его невозможно назвать стариком, потому что даже молодые редко держат спину так прямо и так быстро, энергично ходят.

Бог даёт мне ещё один шанс. Вперёд, Маша Романушко, которая ни к кому никогда не подходила первой, хоть и мнит себя очень смелой. Ну же, – говорю я себе.

О, как мне было страшно подойти и заговорить с ним! Но я встала с холодной скамьи и пошла к нему навстречу...

– Здравствуйте, – сказала я.

– Здравствуйте, – ответил он, слегка удивлённо.

– Можно вам задать вопрос?

– Да.

– Скажите, пожалуйста... (внутренне я была на грани обморока от страха. Мне было одинаково страшно услышать любой ответ: и «нет», и «да»). Скажите, ваше имя – Антонио Бареш?

– Как вы сказали? – спросил он, взглянув на меня большими голубыми глазами. Большими голубыми глазами – как у Антонио, как у Саши Милитова, как у моего отца... Эти глаза преследуют меня всю жизнь!

– Ваше имя – Антонио Бареш? – повторила я с трудом, потому что всё во мне в ту секунду пересохло, как в пустыне, и язык едва слушался меня.

Он мгновение молчал, как будто вслушивался в смысл того, о чём я его спросила. И это мгновение показалось мне

вечностью.

– Нет, это не моё имя, – сказал он.

– Нет?.. Разве вы – не Антонио Бареш? Вы так похожи на моего давнего друга, которого я не видела 50 лет! Мне показалось, что вы – это он...

– Нет, я – не он. Простите, – он улыбнулся извиняющейся улыбкой. – Ничем не могу вам помочь.

– Простите... – сказала и я ему.

Он ушёл к спортплощадке, где молодёжь продолжала играть в пляжный волейбол, и довольно долго наблюдал за игрой. А я сидела на холодной скамье и смотрела на пустынный берег бухты... На тот самый берег, с которого начинается мой роман-трилогия «Побережье памяти». Это – он. Тот самый берег. Здесь многое происходило уже... Многие значимые моменты моей жизни. Многие яркие переживания настигали меня именно на этом берегу. Многие важные мысли приходили ко мне именно на этом берегу, который для меня является рубежом. Некоей разграничительной (и, одновременно, соединительной) чертой между ЗДЕСЬ и ТАМ. Между сном и явью. Между сбывшимся и несбывшимся...

И только сейчас я увидела, что наша бухта очертанием похожа на бухту Золотой Рог во Владивостоке и на бухту Золотой Рог в Стамбуле. Вот как интересно! Какая удивительная перекличка...

(Потом, когда я пришла домой и сказала об этом мужу, он засмеялся и сказал: «Нет! Это бухта Золотой Рог во Влади-

востоке и Золотой Рог в Стамбуле похожи на нашу бухту!»)

* * *

Я сидела на холодной скамье и размышляла на тему: должна ли я подарить свою книгу незнакомцу, который отказался быть Антонио Барешем? Тот ли это человек, для которого я принесла сегодня роман о своём детстве?.. И если да, то где мне набраться храбрости на такой поступок? Но я поняла, что если не сделаю этого, если не подарю ему книгу, то буду очень жалеть потом...

И когда этот человек пошёл обратно, я пошла ему навстречу, уже вынув книгу из рюкзака.

Я спросила его:

– Можно вам задать ещё один вопрос?

– Да, – приветливо откликнулся он.

– Вы любите книги?

– А кто же их не любит? Конечно, я люблю книги.

– Я хотела бы подарить вам свою книгу.

– Свою книгу? Очень интересно, – сказал он.

Мы остановились. Я протянула ему книгу. Он прочёл вслух название:

– «Там, где всегда ветер»...

– Да.

– А где это место – там, где всегда ветер? – спросил он. Его ярко-голубые, живые глаза смотрели с интересом и молодым любопытством.

– На Украине. В степи. Недалеко от Днепропетровска.

– А почему там всегда ветер?

– Потому что эта степь – на плоскогорье. А это плоскогорье – самая высокая точка на Украине. И там всегда, всегда дует ветер! А поскольку книга о подростковом возрасте, когда ветер дует и внутри у человека, то название получилось символическое. Ветер снаружи – и ветер внутри...

Его глаза тепло улыбались – я видела, что он прекрасно понимает, о чём я говорю.

– Эта книга о вас? Автобиографическая? – спросил он.

– Да, обо мне. Хотите, я надпишу её вам?

– Да, пожалуйста, буду рад.

– А можно узнать ваше имя?

– Борис Иванович. Сударов.

«Какая красивая фамилия! – подумала я. – Исконно русская. Сударов, сударь... Да, к этому человеку именно так и хочется обращаться: сударь!»

Надписывая книгу, я совсем уж расхрабрилась и спросила: какая у него профессия?

– Я историк. И филолог. Закончил историко-филологический факультет. Преподавал историю в педагогическом институте.

– О, тогда вам точно будет интересна моя книга, потому что здесь много исторических моментов, – сказала я. – А сейчас я пишу вторую книгу про Украину, с выходом в сегодняшний день. У меня много родных на Украине. В том чис-

ле в Одессе... Мой дядя, у которого я всегда останавливаюсь, живёт недалеко от Дома Профсоюзов...

И я, сама от себя этого не ожидая, стала рассказывать ему о том, как два года назад, когда сжигали людей в Одессе, я три дня не могла дозвониться до своих родных, и чуть с ума не сошла от переживаний.

– Надеюсь, ваши родные не пострадали? – спросил Борис Иванович.

– К счастью, они в тот вечер были на даче.

– Там много пожилых людей погибли, – сказал он.

– Да...

Мы грустно помолчали.

– А вы здесь отдыхаете? – спросил он.

– Нет, я здесь живу. Уже много лет. Совсем близко отсюда.

– Я тоже совсем близко. Значит, когда-нибудь, может быть, ещё здесь пересечёмся, – улыбнулся он. – Спасибо за книгу. С интересом прочту.

– И вам спасибо!

Мы попрощались, и он пошёл в гору своим бодрым, молодым шагом. А я осталась с ощущением праздника в сердце...

Всю жизнь я дружу с людьми, которые намного старше меня. Люблю стариков! Вот таких живых, энергичных, любознательных, не утративших интереса к жизни. Я их просто обожаю. Хорошо, что я не струсилась и подошла к нему.

Дома я рассказала мужу о том, как ушла на бухту с книгой, чтобы подарить её кому-нибудь – и подарила! Муж тут же набрал в Интернете в поисковике имя Бориса Ивановича Сударова.

– Ничего себе! С каким интересным человеком ты познакомилась! – воскликнул он. – Вот, читай, здесь много о нём...

И я прочла.

В возрасте я не ошиблась – через полгода Борису Ивановичу исполнится 90. Одногодка моей мамы... Он был 14-летним мальчишкой, когда его застала в Белоруссии война. Ушёл с частями Красной армии, стал сыном полка. Потом учился в артиллерийской спецшколе. Был послан на учёбу в артиллерийское училище, стал офицером. После войны служил в Германии. Награждён многими медалями.

Ушёл в отставку. Закончил Московский педагогический институт имени Ленина. Историко-филологический факультет. Работал в издательстве «Физкультура и спорт». Преподавал в пединституте. А самое главное – почти тридцать лет работал на Всесоюзном радио. Был заместителем главного редактора Главной редакции литературно-драматического вещания. Был знаком и сотрудничал с замечательными актёрами – с Качаловым, Пляттом, Грибовым, Бабочкиным, Сперантовой, Марецкой и многими другими, которые принимали участие в радио-спектаклях. О, я хорошо помню эти спектакли!.. Как мы с моим сыном Антоном их любили! Мы

ждали их. Мы буквально вклеивались в наш маленький радиоприёмник, который дарил нам большую радость... Каждый спектакль – шедевр. «Театр у микрофона» – это был гениальный многолетний проект. Играли спектакли для взрослых и спектакли для детей. Играли классику, русскую и зарубежную, играли современных авторов, для детей играли сказки, не только русские, а всех народов мира, и спектакли, созданные по книгам прекрасных детских писателей, к примеру – моего любимого Аркадия Гайдара.

А Борис Иванович, оказывается, во всём этом участвовал. И даже руководил. Вот встречу его завтра на бухте – и скажу ему «спасибо!» И спрошу: пишет ли он мемуары о своей удивительной жизни? А если уже написал, то можно ли их прочесть? Хочу дружить с этим человеком! Точнее: я УЖЕ дружу с ним...

* * *

Они ходят мимо нас. А мы – мимо них. И редко придёт в голову остановиться, заговорить с незнакомым пожилым человеком. А ведь каждый из этих людей – эпоха, роман! Часть нашей общей истории.

Когда я общаюсь с человеком, по возрасту – ровесником моих родителей, которых давно уже нет на земле, я остро чувствую связь времён. И понимаю, что только от нас – людей следующих поколений – зависит: прервётся связь времён – или нет...

* * *

На следующий день я написала о Сударове на своих страницах в Фейсбуке и в Контакте. И многие мои читатели и друзья радостно откликнулись. Оказывается, эта тема волнует многих, и многим она близка.

Сын Антон прочёл мой пост и написал мне: «Кажется, это – начало новой маминой книги?»

Ну, я уж не знаю... Не думала пока об этом. Как жизнь сложится.

25 июля, на Ваганькове

Сегодня – день ухода Леонида Енгибарова. Очень грустный для меня день. Грустный и светлый... Ездила, как всегда, на Ваганьково. Подарила Лёне его любимые жёлтые розы... Долго стояла у его могилы. Заказала в храме Воскресения поминальный молебен. Потом опять вернулась к Лёне.

Когда уже собиралась уходить, пришёл Павел Авилов – молодой человек, который очень любит Енгибарова. Долго общались. Говорили о том, как личность и творчество Енгибарова повлияли на каждого из нас. Повлияли очень сильно. Вот уже полсотни лет, всё, что бы я ни делала, – я соразмеряю с тем, что и как делал он. Как будто смотрю на свою жизнь и на своё творчество ЕГО глазами. Всю жизнь чувствую на себе взгляд своего любимого клоуна, своего гениального Друга.

Он для меня – НЕ УШЁЛ.

А Павел больше общается с Енгибаровым в снах и счаст-

лив этим. Я сказала ему, что сейчас в Москве идут два великолепных спектакля по новеллам Енгибарова, и в начале августа – ближайший. Я уже смотрела три раза, но пойду ещё. Пригласила и его.

25 июля, вечер, встреча третья

Вечером пришла на берег бухты, побродила по воде... Дошла до спортплощадки. Любители пляжного волейбола играли у трёх сеток.

Увидела на скамье среди зрителей Сударова. Он с интересом следил за игрой. Мы с ним не виделись четыре дня. Интересно: успел ли он за эти дни заглянуть в мою книгу?

– Добрый вечер, Борис Иванович.

– О, здравствуйте! – приветливо улыбнулся он. – Рад вас видеть. Давно не виделись.

– Почти неделю.

Он пододвинулся – и я села рядом с ним.

– Читаю вашу книгу, – сказал он. – Очень интересно. Много уже узнал о вас.

– А мы с мужем начитались о вас.

– Обо мне? Где? – изумился он.

– В Интернете.

– В Интернете?! – ещё больше изумился он.

– Да. В тот вечер, когда мы с вами познакомились, я рассказала о вас мужу, и он тут же пошёл в Интернет – посмотреть про Бориса Ивановича Сударова. Оказывается, в Интернете существует сайт «Музея телевиденья и радиовещания». И там много написано о вас. И что вы были сыном полка во время войны.

– Да, было такое...

– И что вы закончили артиллерийское училище. И что вы служили после войны в Германии. И что после института 30 лет работали на Всесоюзном радио. И что делали спектакли «Театра у микрофона»...

– От вас не скроешься! – смеётся он.

– И много фотографий из разных эпох вашей жизни. И на двух из них вы с Юрием Левитаном.

– Ну, надо же! Но откуда они их взяли?

– Наверное, вы дали для музея.

– Да не давал я ничего.

– Может, забыли уже? Наверное, давно это было... Создавался когда-то на Всесоюзном радио музей, и вы принесли фотографии. А потом этот музей решили сделать в Интернете, все фото оцифровали. Так они стали доступны всем.

– Удивительно!

– А ещё мы узнали, что вы работали в литературно-драматическом вещании. И я хочу сказать вам огромное спасибо. За всё, что вы делали тогда на радио, но прежде всего – за прекрасные спектакли «Театра у микрофона». Я их ждала. Они были моей радостью. И я даже не подозревала, что человек, который доставляет мне такую большую радость, живёт где-то по соседству. Борис Иванович, спасибо вам!

– Я рад, – сказал он, несколько смущённо.

И я сразу поняла, что Сударов – очень скромный человек и, может быть, даже не осознаёт масштаба того, что он

делал тогда на радио. Ведь миллионы людей жили в глуши, где не было никаких театров. Но у всех был «Театр у микрофона»! И любой человек на любом полустанке, в любом посёлке или селе мог услышать и Шекспира, и Бернарда Шоу, и Диккенса, и Льва Толстого, и Чехова в исполнении гениальных и великих актёров...

– А за детские спектакли отдельное спасибо, – сказала я.

– Это делала Детская редакция. Детская редакция была очень сильная.

– Мы с сыном всегда слушали эти спектакли. Каждый раз это был настоящий праздник. Это – незабываемо... Жаль, что сейчас ничего и близко к этому на радио нет.

– Вы правы, – согласился он.

– Радио измельчало, – сказала я.

– Да, вы правы.

– А ещё я нашла в Интернете вашу статью, посвящённую радиотеатру для детей. Очень хорошая статья.

– Не помню уже, когда её написал...

– А это даже не важно. Важно то, что она написана, оцифрована, и её можно прочесть.

– Я рад. Хотя не представляю, кому она сегодня нужна.

– Нужна тем, кто думает о детях, об их духовном и эстетическом развитии. Надеюсь, что наша жизнь в скором времени начнёт освобождаться от мусора, и на телевиденье, и на радио вернутся постепенно настоящие передачи для детей, в том числе и радиотеатр. Ведь многие люди как жили

в глуши, так там и живут. Радиотеатр очень нужен – и взрослым, и детям.

– Хотелось бы надеяться, что это произойдёт, хотя надежда на это не очень большая, – сказал он. – А что у вас нового? Чем сегодня занимались?

– Ездил на Ваганьково. Сегодня, 25 июля, ушёл Леонид Енгибаров...

– Как ушёл, когда?

– 44 года тому назад.

– Этого не может быть! Я думал, что он жив... – сказал ошеломлённо Сударов.

– Увы, нет.

– Это как-то прошло мимо меня... А что с ним случилось?

– Сердце. Инфаркт.

– И сколько ему было?

– 37.

– Ой-ой-ой! Такой молодой... Как же это? Отчего в таком возрасте инфаркт? И почему не спасли? Сейчас разве от инфарктов умирают?

– Иногда умирают... Очень много работал. Совершенно не отдыхал. А в то лето ещё и страшная жара была... Помните лето 72-го года?

– Смутно, – признался Сударов. – Наверное, я уезжал в отпуск. Поэтому всё прошло мимо меня. А вы всё так хорошо помните? Почему?

– Енгибаров – дорогой мне человек. Мы с ним дружили.

– Дружили? Вы что, были с ним знакомы?

– Да. В той книге, которую я вам подарила, там описано, как мы с ним познакомились. Мне тогда было 17 лет. И мы дружили с ним пять лет – последние годы его жизни.

– Я прочту. Обязательно всё прочту. Очень интересно. За-мечательный был артист. Очень жаль, что так рано умер.

– А вы с ним разве не были знакомы?

– Я? Нет, к сожалению. А как я мог быть с ним знаком? Я в цирк редко ходил, точнее – вовсе не ходил. Я ходил в театр.

– Но на Енгибарова ходила вся Москва! В том числе и ар-тисты театров – Высоцкий, Михаил Казаков, Василий Лано-вой... Его все очень любили. Его невозможно было не лю-бить...

– Моё упущение. Я его только по телевизору видел.

– А он ведь у вас на радио выступал.

– Когда?

– Весной 1970 года. И ещё не раз. Я сама слушала его в пе-редаче, которая называлась «Для тех, кто не спит». Передача шла после полуночи. Енгибаров рассказывал о себе и читал свои новеллы. Он ведь был ещё и писателем.

– Писателем? Я не знал. И передачу эту почему-то не слы-шал. Вот, вы открываете мне новое. Наверное, это шло через музыкальную редакцию. А я работал в литдрамвещании. Я не знал, что он был писателем.

– Я дам вам прочесть свою книгу о Енгибарове.

– Вы написали книгу о нём?

– Да. Вообще, у меня шесть книг о нём. Две поэтические и четыре книги прозы.

– Шесть книг о Енгибарове?! А зачем так много? Почему нельзя было одну написать?

– А они все разные. Когда я написала первую, я думала, что это – моя единственная книга о Енгибарове. Повесть «Не прощаюсь с тобой» – это история нашей дружбы. Потом, через много лет, я написала его художественную биографию – «Леонид Енгибаров: Клоун глазами поэта». Затем – «Мим, говорящий с вечностью» – потому что много материалов оказалось не вошедших в первые книги. Плюс моя дружба с его пражским внуком Петером – это отдельная история, как бы книга в книге. А кроме того, у меня есть роман «В свете старого софита», который посвящён не только Енгибарову, а целой эпохе жизни, и там о многих интереснейших людях конца 60-х, начала 70-х годов рассказано, но Енгибаров всё-таки в центре повествования. Каждый раз, когда пишу о нём, я думаю, что это – моя последняя книга о Енгибарове. А сейчас у меня набралось материала ещё на одну.

– Кошмар! – сказал Сударов.

– Да никакого кошмара, Борис Иванович. Жизнь идёт, и она, как река, приносит много новой информации. И, кроме меня, никто об этом не напишет. Пока не вижу вокруг энтузиастов.

– Вы меня ошеломили, – сказал он.

– Простите.

Мы смеёмся... У него совершенно молодой, заразительный смех.

Во время нашего разговора он даже забыл смотреть на игру на площадке. Теперь он опять погрузился в неё взглядом...

– А вы здесь отдыхаете? – спросил он.

– Конкретно на берегу – да, отдыхаю. Но вообще-то, я здесь живу. В этом районе.

– Вы живёте в этом районе?! – изумился он, вновь оторвавшись от игры. – Разве вы живёте не на Украине? В книге вы живёте на Украине.

– Да, в детстве я жила на Украине. С отъездом на четыре года на Урал. Но летом 68-го года наша семья переехала в Москву. Мне не было ещё и 18-ти лет тогда.

– И с тех пор вы живёте в этом районе?

– Да.

– Почему же я раньше вас не видел? – спросил он. – Я тоже здесь живу.

– Как-то не встретились раньше.

– А почему ваш муж не гуляет с вами?

– У него свой режим и свои маршруты прогулок. Они с моими не совпадают. А вообще, мой муж сегодня уехал в лагерь.

– В какой лагерь?

– В реабилитационный. Он занимается с больными детьми литера-турным творчеством. А точнее – с особыми

детьми. Аутисты, дети с ДЦП, с задержкой психического развития.

– Это интересно.

– Да, это очень интересно. Он разработал свою методику. И самые тяжёлые дети под его руководством начинают сочинять – эссе, афоризмы, стихи, сказки...

– Очень интересно!

– И так уже 15 лет.

– Подумать только – 15 лет уже... И так каждый год?

– Да. Был только один год перерыва. Когда у мужа случился инсульт.

– Инсульт?! У вашего мужа?!

– Да.

– И как он сейчас?

– Слава Богу, восстановился.

– Полностью?

– Да. Совершенно. Пишет книги. Ведёт литературную студию в Интернете. Занимается с детьми в летних лагерях. Всё хорошо.

– Но это редкий случай, чтобы после инсульта человек полностью восстановился.

– Очень редкий.

– И он, как и вы, пишет книги?

– Да.

– А ваши дети? У вас есть дети?

– Сын и дочь.

– А они чем занимаются?

– Сын профессиональный путешественник.

– Что это значит – профессиональный путешественник?

– Это значит, что уже больше двадцати лет он ездит по миру. Но не по туристическим путёвкам, а вольно – своими маршрутами. Он их сам придумывает, сам разрабатывает и сам осуществляет.

– В одиночку?

– Иногда в одиночку. Иногда с друзьями.

– А какова цель путешествий?

– Изучение мира, изучение жизни людей в разных уголках земли. Потом он описывает это в своих книгах.

– Выходит, он тоже писатель?

– Да.

– Подумать только! Мать, отец, сын – и все пишут книги!

– Дочка тоже пишет книги.

– Как? И дочка тоже? Вся семья писатели?! И родители и дети? Я никогда такого ещё не встречал.

– Да, все писатели. Но каждый пишет о своём. Муж работает в разных жанрах и темах – от афоризма до толстых философских книг. А ещё пишет сказки для детей.

– Как интересно! А дочь?

– Дочь пишет стихи и прозу. И чаще всего – о лошадях.

– Любит лошадей?

– Не просто любит. Прекрасно ездит верхом и обучает этому других. У неё свои две лошади.

– Свои лошади?! Где? На ипподроме?

– Одна на ипподроме. А вторая – в Нижнем Новгороде. Сейчас Ксюша живёт в Нижнем Новгороде, она уехала туда к мужу. И перевезла туда одну из лошадей.

– Какая у вас у всех необычная жизнь... – поразился Сударов.

– Да, каждый делает то, что любит. В чём видит смысл.

– Очень интересно! – сказал Сударов.

После чего последовал вопрос:

– А почему ваш муж с вами не гуляет?

Я смотрю на него: он что, забыл? Он две минуты назад меня об этом спрашивал. Или шутит? Нет, вроде, не шутит. Впрочем, я столько информации выгрузила на него за то короткое время, что сижу рядом с ним на лавочке, что вполне можно запутаться во всём и кое-что подзабыть.

– Муж в лагере сейчас. Да и когда дома, он гуляет по своим маршрутам.

– Почему?

– Ему нравится Берёзовая аллея.

– Та, которая идёт к метро?

– Да.

– Но здесь же воздух гораздо чище!

– Это так. Но ему нравится аллея. И там его любимая тренажёрная площадка.

– А здесь поблизости разве нет площадок? Вон, поглядите, отличная площадка!

– Но муж любит ту, которую уже любит. Он к ней привык.

– Понятно... Хотя и не очень.

Мы смеёмся. У него молодой, заразительный смех.

– Я столько интересного узнал уже о вашей семье! – говорит он.

– Борис Иванович, а у вас есть дети?

– Сын Володя, – сказал он.

– И внуки есть?

– Внуки?.. – сказал он, и его лицо сделалось каким-то далёким и отстранённым. И я поняла, что нечаянно задала вопрос, который причинил ему боль.

– Простите, – сказала я.

* * *

Стемнело. Игра закончилась. Стало холодно. Решили уходить.

Я подумала, что сейчас Сударов пойдёт очень быстро, как он всегда ходит, и я, стараясь от него не отставать, начну задыхаться, и из меня начнёт выпрыгивать сердце... Как это обычно у меня бывает при быстрой ходьбе. А ведь раньше я тоже ходила быстро, не ходила – а бегала! Но то было раньше... А сейчас, идя с мужем или сыном, умоляю их идти по-медленнее. Придётся и Сударова просить о том же. Потому что мне за снежным барсом точно не угнаться!

На гору я всегда поднимаюсь с двумя остановками, чтобы отдышаться, ибо гора крута. А тут мы поднялись на гору, и я

за разговором даже не заметила подъёма! Меня это очень удивило. Давно так не было.

А дальше... дальше Сударов пошёл, стараясь ни на чуточку не опережать меня. Он шёл в одном ритме со мной, с моей скоростью, а не с привычной своей. И мне это показалось удивительным – такая чуткость к человеку, который идёт рядом с тобой. Он не навязывал мне свою скорость, он мгновенно настроился на мою – без всяких моих просьб. И я была ему благодарна.

Резко похолодало, ещё на сколько-то градусов. Как будто мы резко поднялись высоко в горы – как когда-то на Памире, когда мы ехали с Антоном на перевал...

Сударов шёл, обхватив себя руками. Ему было явно холодно, он ведь худой очень, и в одной лёгкой футболке.

– Вам холодно, – сказала я.

– Ничего страшного.

– Возьмите мою куртку, – сказала я.

– Да ну что вы!

– Это несправедливо: мне жарко, а вам холодно, и вы не хотите взять мою куртку.

Мне действительно было почему-то жарко, и я сняла куртку, несла её в руках. Мы ещё какое-то время пререкались, а потом я решительно накинула куртку ему на плечи. Как если бы это был мой друг Александр Шнеер, или мой одесский дедушка Митя.

– Ой, что вы делаете?! – испугался Сударов.

– Утеплю вас.

– Вы же сами замёрзнете.

– Мне жарко!

И он смирился. Шли, говорили о детях – о моих и о его сыне. Наши сыновья почти ровесники, его Володя старше моего Антона всего на пять лет. И вдруг Борис Иванович сказал негромко: «И жена моя умерла...» Он сказал это так тихо, как будто не мне, а только себе, так в отдалении от меня, как будто не ожидая отзвука.

– Сколько ей было лет?.. – спросила я осторожно, как будто ступая по хрупкому льду.

– Сорок пять.

– Такая молодая ещё...

– Да.

И я больше ни о чём не спросила его: давно ли умерла? Отчего? Я чувствовала, что пока не имею на это права – задавать такие вопросы. Выходит, что сына он растил один?..

– Я поздно закончил институт, у меня всё было как-то поздно в жизни, – сказал Сударов. – Долго служил в армии, в том числе в Германии. Десять лет в общей сложности в армии, с учётом училища. После института пошёл работать на радио, работал там тридцать лет. Все годы – в одной редакции: литдрамвещания.

– Вы столько всего успели сделать на радио. Тридцать лет – это ведь целая эпоха...

– Вы правы – целая эпоха. Да, кое-что сделал. Я любил

свою работу.

* * *

Когда шли с бухты, проходили мимо киностудии «Центрнаучфильм». Сколько потрясающих фильмов было когда-то создано на этой студии!..

Сударов говорит:

– Я присматривался к этой студии. Думал: когда выйду на пенсию и уйду с радио, – приду на Научфильм работать. Рядом с домом – удобно. Но... к тому времени, как я вышел на пенсию, студия развалилась.

– И это было ужасно. Студию просто-напросто разграбили, одну из лучших студий в стране. А множество фильмов сожгли во дворе...

– Как сожгли? Откуда у вас такие сведенья?

– Моя дочка Ксюша в конце девяностых и в начале двухтысячного года занималась здесь в Мультистудии для детей. Она сделала мультфильм про Леонида Енгибарова. И мы видели, как Центрнаучфильм приходил к своему концу. Это было очень грустное зрелище. Трагическое. Мультфильм про Енгибарова мы снимали ещё на плёнку, на огромном – настоящем мультстанке, который занимал половину большой студии. Наш мультфильм был последним фильмом, который сняли на этом станке. После чего станок разобрали и увезли – кажется, в Алма-Ату. Наш фильм тоже мог бы погибнуть в огне. Но его спас оператор дядя Витя Ксено-

фонтов, он очень уважал Ксюшу, ей тогда было 10 лет всего, но она была большой трудягой. Кроме того, что очень талантливая. Вы не видели этот мультфильм? Он называется «Звёздный клоун».

– Нет, не видел, к сожалению. А где бы я мог его видеть?

– Его показывали по каналу «Культура», брали у Ксюши интервью – как у самого молодого режиссёра страны. И по разным другим каналам тоже показывали. Забавно: Ксюшу после этих показов стали узнавать на улице! Идём как-то с ней по Чистопрудному бульвару, а какая-то женщина говорит своему спутнику: «Ой, а я знаю эту девочку! Я её по телевизору вчера видела». Ну, вот. И Ксюшин фильм мог бы тоже погибнуть, если бы дядя Витя его не спас. Он как-то позвонил нам, сказал, чтобы мы скорее подошли к студии, это был уже поздний вечер, темно, и дядя Витя вынес нам из студии подмышкой, в чёрном пакете, несколько больших круглых коробок с плёнкой. С Ксюшиным фильмом. Он спас Ксюшин фильм! А иначе он мог бы тоже сгореть в тех кострах во дворе...

– Прямо детектив какой-то!

– Да! Именно детектив! Спасибо дяде Вите Ксенофонтову за спасение Ксюшиного шедевра. Хороший был человек...

– Почему «был»?

– Оператор дядя Витя всю жизнь отдал студии. Очень любил это дело. А когда её разгромили и разворовали, он с горя сильно запил и вскоре умер. Наверное, сердце не выдержало

того, что он видел. Эти полы-хающие костры с фильмами... Хотя он был ещё не старым, шестидесяти лет ему не было. Очень хороший человек. Вот такая история.

– А я и не знал, что Центрнаучфильм так трагически завершал свою историю...

– Как вся наша страна. И как многое в этой стране в те годы. И как ваше Всесоюзное радио...

– Да, это так.

* * *

Кстати, мой муж нашёл в Интернете адрес Сударова. Оказывается, Борис Иванович живёт через три дома от нас! Но это сейчас через три, когда выстроили эту высотку, которая перегородила наш двор. А раньше мы жили через два дома! Можно сказать, что наши окна почти сорок лет смотрели друг на друга. И между нашими домами были только: большой двор с маленькой почтой и ещё один двор с маленькими качелями, которые очень любил мой Антоша в детстве. Это были самые лучшие качели в районе. А потом их возлюбила и моя дочка Ксюша. Это были самые певучие качели. И сын, и дочка, раскачиваясь на них, всегда напевали свои песенки, которые тут же и сочиняли, по ходу качания...

А выйдя на нашу лоджию, можно было бы помахать Борису Ивановичу Сударову, если бы он стоял в это время на своём балконе. И если бы мы были уже знакомы...

Я и не подозревала, что в нашем районе живёт такой ин-

тересный человек. Я думала, что всех интересных людей нашего района я уже знаю. Ан нет!

* * *

Когда мы шли с бухты, его дом был первым на нашем пути.

– Ваш дом, – сказала я. – До свидания.

– Да ну что вы! Я провожу вас.

– Не надо, пожалуйста. Уже темно.

– Тем более, я должен проводить вас!

Он сказал это так твёрдо, что я поняла: спорить бесполезно. Всё-таки он бывший офицер-артиллерист, он умеет говорить твёрдо. И мы пошли дальше. Обогнули огромный 25-этажный дом, построенный на месте маленькой двухэтажной почты.

– Я когда-то работала на той маленькой почте, когда мне было 18 лет, ещё перед институтом, – сказала я.

– Надо же! А я вас почему-то не замечал. Вы в каком окошке сидели?

– В том, где принимали ценную и заказную корреспонденцию. На втором этаже, окошко – справа.

– Конечно, я заходил иногда на почту. За конвертами хотя бы. Но вас я почему-то не замечал. Почему?

– Уж не знаю. Я была симпатичная девочка, у меня были большие голубые глаза, и я очень быстро работала. Я так быстро упаковывала все эти бандероли, а их тогда надо было

упаковывать в жёсткую, рыжую упаковочную бумагу, крепко перевязывать бечёвкой и ставить на них горячие сургучные печати... Я это делала так быстро, что на меня даже приходили посмотреть, просто посмотреть, как я это делаю, у меня даже были фанаты в нашем районе, правда-правда!

– А я вас не замечал... Почему?

– Я вас тоже не замечала. И я знаю, почему.

– Почему?

– Вы были молодым красавчиком, судя по вашим фотографиям в Интернете, а я на молодых красавчиков никогда не обращала внимания. (Он смеётся). Я всю жизнь дружу с людьми, которые намного старше меня.

– Намного старше? Почему так?

– Да. Мне интересны люди, которые уже прожили большую жизнь. Мой друг художник Валерий Каптерев был старше меня на 50 лет. Когда мы с ним подружились, мне было 22 года, а ему 72. Он родился в 1900 году!

– Подумать только!..

– Почти все мои друзья родились до революции. А ещё у меня был друг, который родился в 19 веке. Он был старше меня на 58 лет!

– На 58 лет?! Кошмар!.. В голове не укладывается.

– На момент нашего знакомства ему было 92 года. Александр Яковлевич Шнеер, историк театра и цирка.

– Историк театра? Странно, что я не слышал его имени.

– Жалко, что не слышали. Вы могли бы пригласить его

на радио. И он бы столько рассказал интересного! Он писал истории пьес.

– Что это значит?

– Он брал пьесу, например «Гамлета». И исследовал: где, и когда, и на каких сценах, в каких городах и странах «Гамлет» ставился. Какие режиссёры его ставили, какие актёры играли. И так он исследовал очень много пьес – самые значимые для человечества. В «Театральной энциклопедии» много статей Александра Шнеера.

– Подумать только! А я даже не слышал о нём. А как вы познакомились с этим удивительным человеком?

– Он мне написал письмо.

– Он – вам?

– Да. В то время вышла моя первая книга стихов, «Лунные цирки», он её увидел у знакомых, очень захотел её иметь, но в магазинах её уже не было – она быстро разошлась. И Шнеер написал мне письмо с просьбой, точнее – с вопросом: нет ли у меня для него, любителя цирка, лишнего экземпляра? В книге много стихов о цирке. Экземпляр у меня был. Я подарила ему. Так мы познакомились. И нам ещё было отпущено девять лет дружбы! Вот на таких людей я всегда обращала внимание. Кстати, когда мы познакомились, Шнеер тут же пригласил меня на своё столетие! Он сказал: «Я никогда не видел столетнего человека. Поэтому я решил дожить до ста лет – и посмотреть на столетнего человека. Приходите, посмотрим на него вместе!»

– И ваш друг дожил до ста лет?

– Да! И я пришла к нему на день рождения. И мы посмотрели на столетнего человека!

– Невероятно... А до сколько он прожил?

– До 101 года.

– Кошмар...

– И никакого кошмара! У него была ясная голова, потрясающее чувство юмора, и он до конца жизни активно работал – готовил второе издание «Цирковой энциклопедии».

– Подумать только! – ошеломлённо сказал Сударов.

– А теперь вы, Борис Иванович, как раз в таком возрасте, какой мне всегда был интересен. (Он смеётся). Я обратила на вас внимание этой зимой, на почте...

– На почте? – удивился он. – Это надо же, опять фигурирует почта. Так вы, оказывается, работаете на почте?

– Да нет! Я сто лет уже не работаю на почте.

– А почему не работаете? Если у вас так хорошо всё получалось.

– Борис Иванович, у меня многое в жизни получается хорошо. Я хорошо готовлю, хорошо мою полы, умею шить и вышивать гладью, умею играть с детьми и лепить из глины. И даже играть клоунские спектакли. Но я не могу быть одновременно кулинаром, уборщицей, швеёй, керамистом, воспитательницей детского сада и клоуном. Моя профессия – писатель. Я думала, что вы догадались об этом. Я же вам книгу подарила.

– Но это ваша первая книга? Или вторая?

– Сорок шестая.

– Сорок шестая?!

Он смотрел на меня почти с ужасом.

– Простите, Борис Иванович, я не хотела вас так сильно пугать этой цифрой. Но что поделаешь, если это правда.

– Выходит, вы в год пишете по две книги?

– Где-то так.

– Кошмар!.. – говорит он с восторгом. – А когда вы с почты ушли?

– О, вы опять про почту!.. Да давно, давно я оттуда ушла!

– А после вас теперь эта девушка там работает?

– Борис Иванович, та девушка, которая работала после меня, уже давно бабушка. С тех пор много, много девушек там сменилось... И маленькую почту сломали и построили большую.

– И больше вы не работаете на почте? А что вы тогда делали на почте этой зимой?

– Отсылала книги своим читателям. Они мне иногда заказывают книги наложенным платежом, и я им отсылаю. И вот, я в очередной раз пришла на почту, чтобы отослать книги, а вы в это время что-то получали, какую-то посылку. И я обратила на вас внимание. Я подумала, что вы похожи на моего друга Антонио Бареша. Точнее, я подумала, что ему тоже уже столько лет должно быть, как вам. А то, что вы на него похожи, я увидела десять дней назад, на берегу...

– А кто он – этот Бареш?

– Чех. Вы о нём прочтёте в моей книге, которую я вам подарила.

– Хорошо. Прочту.

– Поэтому, когда я подошла к вам на берегу, я спросила вас: ваше имя Антонио Бареш?

– Да-да, вы именно так и спросили. А что я вам ответил?

– Что вы не Антонио Бареш.

Сударов смеётся.

– Почему вы смеётесь? Может быть, вы всё же Антонио Бареш?..

Но вместо прямого ответа, Сударов процитировал стихи:

– Нет, я не Байрон, я другой...

Нет, я не Бареш, я другой,

Еще неведомый избранник,

Как он, гонимый миром странник,

Но только с русской душой.

И спросил учительским тоном:

– Чьи стихи, как вы думаете?

– Лермонтова, конечно.

– Молодец, знаете русскую классику.

– Вообще-то, я Литературный институт заканчивала. Грех было бы не знать. И, к тому же, Лермонтов – один из моих любимых поэтов.

– А к Пушкину как относитесь?

– Пушкин – стопроцентный гений. Благодарна ему за русский литературный язык. До Пушкина такого шикарного языка у нас не было. Но сердце больше любит Лермонтова.

– Почему?

– Лермонтов – надрывнее. Он знает, что такое одиночество. «И скучно, и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды...» Мне тоже это хорошо знакомо.

– Но вы же не одинокий человек. У вас есть муж и дети.

– Это так. Но что такое одиночество, я знаю...

* * *

Мы шли узкой тёмной аллеей... И как он будет возвращаться один во тьме? – думала я. Надо будет его проводить.

– А вот и мой дом, – сказала я. – Мы живём на 13-м этаже, вон там наша лоджия. Правда, во тьме её плохо видно. Но днём её видно очень хорошо. Её трудно не заметить, потому что только одна наша лоджия увита диким виноградом. А ещё на ней поёт петушок.

– Петушок?... – удивился Сударов.

– Ну, да. А вы разве не слышали пения нашего петушка?

– Почему-то нет...

– Однако, весь микрорайон знает и любит нашего петушка. Когда будете идти на почту или в «Биллу», – прислушайтесь. Он очень звонко поёт!

– Хорошо, – пообещал Сударов. – Буду иметь в виду.

– Спасибо вам за этот вечер, за интересное общение.

– И вам спасибо, – сказал он.

– Уже темно. Как быстро стало темнеть... Я буду переживать, как вы дойдёте до своего дома. Давайте я вас провожу. Хотя бы до светлого места, до «Биллы».

– Да ну что вы! – сказал он. – Нормально дойду, не беспокойтесь.

И тут я набралась нахальства и сказала:

– А можно я вам звякну?

– Что?.. – не понял он.

– Звякну. В смысле – позвоню. Можно? А то буду волноваться о вас.

– Да, конечно.

Он сказал номер своего телефона – и я даже не стала его записывать. Потому что запомнила мгновенно – как будто знала всегда. Первый случай в моей жизни. Вообще-то, я плохо запоминаю цифры.

Он вернул мне куртку, хоть я просила не скидывать её, чтобы не простудиться. «Вернёте завтра», – говорила я. Но Борис Иванович уверил меня, что не простудится.

– До свидания, – сказала я. И почувствовала, что этого как-то мало. – Дайте вашу лапу, Борис Иванович!

И протянула ему свою для рукопожатия. Он крепко пожал мою руку, а потом... в высшей степени галантно поцеловал её. Ой! Что это? Как давно этого не было... Так поступал только мой друг Владимир Сергеевич Залетаев. Он всегда целовал женщинам руку – при встрече и при прощании.

У него были такие старомодные привычки, а ещё у него были смешные, рыжеватые, короткие усы, выгоревшие в пустыне, выгоревшие брови и волосы, ведь он был путешественником, учёным, собирателем восточных легенд, знатоком Востока. Как давно это было... Залетаева нет на земле уже 20 лет. Он был ровесником Сударова. То поколение мужчин было галантным. Точнее – было и есть! Оно не ушло! Борис Иванович меня очень растрогал...

Минут через десять я позвонила ему. Он был уже дома. Мы ещё раз поблагодарили друг друга за хороший вечер и пожелали друг другу спокойной ночи.

* * *

А я включила компьютер и нашла в персоналиях ещё несколько страниц его фотографий под названием «Из семейного альбома». И долго рассматривала их... Особенно меня поразила его детская фотография, где ему 12 лет. Такой озорной, весёлый, голубоглазый мальчишка! Поразило то, что Боря Сударов на этой фотографии очень похож на меня. Глаза очень похожи, улыбка... Как будто мы брат и сестра. Вот, всю жизнь, везде и повсюду я ищу своих братьев! Своих голубоглазых братьев. Это уже стало навязчивой идеей.

Да, отличные снимки, где Сударов – рядом с легендарным диктором Юрием Левитаном. Вот так: мой новый знакомый Борис Иванович знал великого Левитана! Не просто знал,

они были коллеги, вместе работали. Получается, что Сударов как бы связал меня с Левитаном, стал мостиком между нами, и меня это очень сильно взволновало...

Голос Левитана я хорошо знаю с раннего детства – я его слышала из чёрной радио-тарелки на стене нашей комнаты на Философской улице. Голос, который объявлял о начале Великой Отечественной войны... Я это объявление слышала только в документальных радио-передачах, потому что родилась через пять лет после войны. Но всё, что касается войны, – это для меня больная тема, на всю жизнь. Поэтому, когда я слышу голос Левитана, всегда мороз по коже... Не знаю, как это можно было пережить, когда тебе выпадает прочесть такое жуткое сообщение – на всю страну, и миллионы людей ввергнуть в ужас и горе... Можно ведь было за просто получить инфаркт! Как у него не разорвалось сердце в этот момент? И потом, в течение несколько лет, ежедневно, все эти трагические сводки Информбюро об отступлении наших войсках, о страшных потерях... Ужас-ужас. Но зато потом – о наступлении. И – Победа!

Когда я слышу в художественных фильмах или в кинохронике голос Юрия Левитана, объявляющего о капитуляции фашистской Германии, о нашей Победе над Гитлером... о победе, за которую десять человек из моих родственников сражались, и четверо из них отдали свои жизни, – у меня всегда в горле стоит ком слёз. Которые не выплакать до конца жизни...

Надо будет расспросить Сударова при случае о Левитане.
Когда в следующий раз встретимся на берегу...

Встреча четвёртая. 26 июля

Пришла на бухту. Походила по воде, искупаться не решилась, повалялась на тёплом песке, помедитировала – как будто поконтачила со своей любимой далёкой Сахарой...

Сударова не встретила. Ну, не каждый же день он сюда ходит. Я ведь и раньше его не встречала здесь. Я вообще не знаю, с какой периодичностью он гуляет. Это я дала себе слово гулять каждый вечер. Вот и брожу по воде, вот и валяюсь на песочке... Вроде, трачу время впустую. Однако, работа над второй книгой про Украину ничуть не замедляется, а даже наоборот!

Возвращаюсь по аллее домой. Звонит мобильник – дочка Ксюша. Отхожу на газон, подальше от дороги, общаемся, она мне что-то весело рассказывает о Василиске, о дочке своей... Вижу, как по аллее в сторону бухты быстро идёт Сударов. Помахала ему. Он кивнул мне, продолжая думать о чём-то своём. Потом взглянул на меня ещё раз – и вдруг узнал! Подошёл.

– Вы уже там были? – спросил, указывая в сторону бухты.

Я, продолжая слушать Ксюшу, кивнула:

– Да.

– Идёмте обратно! – предложил он.

– Идёмте!

И мы пошли вместе в сторону бухты, а я продолжала слу-

шать в трубке лепет Васёнки, а потом опять Ксюшу, пока всё и вся не заглушила поливальная машина.

– Ой, что это там у тебя? – удивилась Ксюша в Нижнем Новгороде.

– Поливалка!

Она рассмеялась, и мы попрощались.

– Кто это был? – спросил Сударов.

– Дочка Ксюша. Которая живёт в Нижнем Новгороде.

– Ксюша... какое хорошее, тёплое имя! А почему она там, а не в Москве?

– Вышла замуж и уехала в Нижний. Её муж из Нижнего Новгорода.

– Вот оно что. Ездите часто туда?

– Часто не получается. Но езжу, конечно. И радуюсь, что она уехала не в Израиль и не в Америку. Вот дочь наших друзей уехала в Америку, и они летают теперь туда, чтобы поглядеть на внучку.

– Кошмар! – сказал он.

– Кошмар! – согласилась я.

– А на чём ездите в Нижний?

– На скоростных поездах – на «Стриже» или на «Ласточке». Четыре часа – и ты там.

– Удобно, – сказал он.

– Да.

– А вы купались сегодня? – спросил он.

– Не решилась. Только походила по воде.

– Я тоже ещё не купался этим летом. В прежние годы купался каждый день. Утром, до завтрака. Вон на том мысу.

– Я тоже люблю тот мысок. Мы с Ксюшей, когда она была ещё маленькая, проводили целые дни на этом мысу. Там нежное песчаное дно, и есть где спрятаться от солнца.

– Вы с Ксюшей? На том мысу?

– Да.

– Почему же я вас не видел?

– Видимо, вы приходили на несколько часов раньше. Приходили, купались и уходили. А потом на это место приходили мы с Ксюшей...

– Надо же... Всё время по одним и тем же дорогам ходили. И не встретились... А у нас была целая компания – утренних купальщиков. Но в этом году что-то не вижу никого. Видно, поумирали уже все...

Мы прошли вдоль берега и дошли до волейбольной площадки, сегодня здесь играли у всех сеток. Не только у волейбольных, но и в промежуточном секторе, где устроено мини-футбольное поле, и здесь тоже две сетки, и здесь мальчишки играли в футбол. Вот какой у нас спортивный район! Пример всем другим.

– Посмотрим? – сказал Сударов.

– Посмотрим, – сказала я.

Сели на скамью. И он погрузился взглядом в игру...

Резко похолодало. Удивительно: после жаркого дня – вдруг – резко – как будто переключают рубильник на «хо-

лод».

– А вы опять без куртки, – сказала я.

– А это, наверное, для меня? – сказал он с улыбкой, кивнув на мой палантин, лежащий у меня на коленях. И мы засмеялись.

– Конечно, для вас. А для кого же? – сказала я и, смеясь, накинула на него палантин.

– Да я пошутил! – сказал он, отбрыкиваясь от утеплителя.

– А я вовсе не шучу. Не хочу, чтобы вы простудились.

И нам обоим почему-то смешно от этой повторяющейся ситуации. Господи, как давно у меня не было такого чудесного друга, который понимает всё так, как надо, с которым легко! (Хм, я уже называю его другом?..) Сегодня он мне очень сильно напомнил Валерия Каптерева. Вообще, в Сударове как будто соединились все мои любимые друзья: Шнерер, Каптерев, Кнорре, Залетаев... Он их как будто всех аккумулировал в себе. И Антонио Бареша, конечно. Все мои друзья живут теперь в одном хорошем человеке – Сударове. И то один мой друг из него проглянет, то другой проявится... И голос у Сударова с лёгкой, приятной, тёплой хрипотцой, как у Саши Милитова...

Мы беседуем, и при этом он внимательно следит за игрой на волейбольной площадке. Играют одновременно четыре команды у четырёх сеток.

– Любите волейбол? – спрашиваю его.

– Да.

– Смотреть или играть тоже?

– Играть из-за моего роста не очень получается. Хотя люблю. Любил. А сейчас нравится смотреть.

К нам выкатился мяч, и Сударов кинулся его отбивать.

– А вы как к спорту относитесь? – спрашивает он меня.

– Хорошо отношусь. И кое-каким занималась в жизни.

– Каким? – живо спрашивает он.

– Спортивная гимнастика, коньки, лыжи, велосипед.

Но не профессионально, конечно, а для души. Хотя по гимнастике был даже разряд. Но я не люблю спорт ради спорта – ради достижений. Я люблю спорт ради удовольствия. А вы чем занимались?

– Я большим теннисом всю жизнь. А зимой – лыжи. По каналу ходил на 15 километров.

– Ничего себе! Я тоже по каналу ходила. Но не так далеко.

– Но уже не ходите?

– Только этой зимой не ходила почему-то.

– Я тоже этой зимой не ходил. Но, может быть, будущей зимой мы сходим вместе? – сказал он.

– Почему бы и нет? С удовольствием.

– А то мой друг умер, с которым я ходил... Мы с ним доходили до того места... знаете?

– Нет.

– Ну, это известное злачное место... Вы должны знать.

Мне стало смешно. Это он так шутит?

– Борис Иванович, почему вы решили, что мне должны

быть известны злачные места? Неужели я так выгляжу, что обо мне такое можно подумать?

– Ой, нет, простите, я ничего такого не имел в виду. Просто там ресторанчики всякие. Есть где отдохнуть и перекусить. Летом мы туда на корты ездили, там хорошие теннисные корты. Ездили или на моей машине, или на машине друга. А зимой доходили туда на лыжах, обедали. И возвращались на электричке.

– А что за место?

– Ну, вы должны знать... известное место.

– Водники, что ли?

– Нет, не Водники.

– Подрезково?

– Подрезково?.. (думает, вспоминает). Вроде, нет... Ну надо же, забыл название!

– Ничего, вспомните. Не думайте особо сосредоточенно на эту тему – и оно само вспомнится, всплывёт из глубин памяти...

– А что у вас нового? – спрашивает он, внимательно следя за игрой на площадке.

– Нового?.. Новая Деревня. Собираемся с сестрой на днях съездить в Новую Деревню, которая за Пушкино.

– А зачем?

– Там, у маленького деревенского храма, – могила великого человека – Александра Меня. Хотим поклониться ему. Я давно там не была, а сестра ещё никогда.

– Вы знали Александра Меня?

– Он был моим духовным отцом.

– Да что вы говорите? Надо же... А я часто проходил мимо его дома в Семхозе. Там жил мой двоюродный брат Игорь, и я бывал у него. И он всегда говорил: вот дом Александра Меня. Они жили совсем близко друг от друга.

– А вы общались с отцом Александром, заходили к нему?

– Нет, этого не было, к сожалению, – сказал Сударов. – А почему он похоронен в Новой Деревне?

– Так он там служил – в этом маленьком деревенском храме. Там и похоронен.

– Божий человек был... И кому надо было его убивать? Кому он мешал? Столько лет прошло, а убийца ещё не найден? – сказал Сударов.

– 26 лет будет в сентябре. Думаю, что убийца давно известен.

– Тогда почему он не назван?

– Вот в этом и вопрос – почему убийца до сих пор не назван?..

– Жуткая история, – сказал он.

– Да, жуткая. Я с тех пор редко езжу в Пушкино и в Новую Деревню. А когда-то ездила часто. В хорошую погоду шла от станции Пушкино пешком к храму...

– Это же далеко.

– В молодости так не казалось.

– Мой сын Володя живёт в Пушкино, – сказал Сударов.

– Он работает в Пушкино?

– Нет, он работает в Москве. А живёт в Пушкино.

(Я подумала, что Володя, наверное, купил квартиру в Подмосковье, потому что там дешевле. Многие так делают).

– А в Тарасовке дача, – сказал Сударов. – Много лет езжу по Ярославской дороге. Точнее – ездил. Сейчас уже почти не езжу. Брат Игорь, который жил в Семхозе, умер. Его дети живут в Загорске. Дачу в Тарасовке Володя сейчас сдаёт.

– Я тоже часто ездила по Ярославской дороге. К отцу Александру ездила. Не только в Новую Деревню, но и в Семхоз, и не раз. Ездила и в Загорск – в Лавру. К Сергию Радонежскому. Одними путями-дорогами мы с вами ходили-ездили. В одних, можно сказать, электричках.

– И не встретились...

– Ну, всё-таки встретились. Как сказано в Библии: «Всему своё время».

Резко потемнело и ещё больше похолодало. Игра закончилась. Мы были последними зрителями.

– Пойдёмте? – сказал он.

– Пойдёмте.

* * *

Мы подымались на гору. Дорога на гору в рытвинах и колдобинах, а в одном месте мелким гравием вчера засыпали лужу, и Сударов пару раз чертыхнулся, когда его нога поехала на этих камушках. Было темно. Фонари на берегу не го-

рели. Я боялась, как бы он не оступился во тьме.

– Борис Иванович, можно вас взять под руку?

– Да, конечно! Простите, что я сам не предложил вам.

Держитесь крепче!

Так мы и шли дальше: я была уверена, что это я веду его во тьме по негладкой дороге, а он думал, что ведёт меня.

* * *

– А почему ваш муж не гуляет с вами? – спросил Сударов.

Я взглянула на него и поняла, что и на этот раз он не шутит. Или всё-таки шутит?.. Самая лучшая шутка – та, которая произносится серьёзно.

Но, может, и я не всё помню из того, что он мне рассказывал? Вот, забыла записать про его сестру Еву и его племянника Виталика, которые тоже жили в Пушкино. В Интернете, в «Семейном альбоме» есть их фото: Ева – яркая тёмноглазая красавица, и Виталик – ещё малыш, на руках у Евы, симпатяга. Только сейчас о них вспомнила. Кстати, когда мой Антон приезжает из очередного путешествия и много-много рассказывает мне нового, разве я всё помню потом из рассказанного? Это же просто не реально – усвоить много новой информации, и всё – с первого раза.

И я начинаю спокойно, не торопясь, рассказывать Сударову про мужа, который гуляет своим маршрутом, а вообще, он сейчас в лагере, где занимается с особыми детьми литературным творчеством.

* * *

Шли домой тёмной аллеей, и он рассказывал, как в 1965 году здесь, посреди поля, построили их дом – кооператив Всесоюзного радио. А вокруг не было ещё ни одного дома.

– Мы были первопоселенцами в этом поле! – с гордостью сказал Сударов. – Потом уже всё это понастроили. Но когда мы здесь поселились, вокруг ничего ещё не было! Вокруг был пустырь...

– А пятиэтажки?

– Да не было тогда ничего!

Рассказал, как за ними приезжал утром микроавтобус и увозил на работу – в Дом радио на улицу Качалова. А вечером привозил обратно. Хотя станция метро «Речной вокзал» была открыта незадолго перед этим, но ещё не было возможности свободно дойти до неё – по дороге были деревушки. И никакой транспорт до «Речного вокзала» в ту пору отсюда не ходил. Он, как ни странно, не ходит и сейчас – нужно ехать большими кругами, с большой тратой времени. Так что все ходят до метро пешком по Берёзовой аллее. 15—20 минут. Теперь есть прямая дорога. Деревенек по пути уже нет.

А когда Всесоюзное радио с Пятницкой улицы переехало в Останкино (после Олимпиады в 1980 году), он ездил на работу на электричке с платформы Левобережная, которая находится в нашем лесу.

– 15 минут – и я уже был в Останкино!

– Так до электрички ещё надо дотопать.

– 15 минут.

Ну да, подумала я, с его скоростью ходьбы это вполне возможно.

Сударов сказал, что когда-то у него была машина, но на работу на машине он ездил редко. Последнюю свою машину, «Волгу», он продал уже давно, в начале девяностых. А гараж сдаёт.

Напротив его дома, через дорогу, – 158 школа.

– Здесь учился мой сын Антон, – говорю я. – Наверное, и ваш сын Володя тоже? Только пораньше, если ему 45 лет сейчас, а моему Антону сорок.

– Нет. Володя учился в Пушкино.

– В Пушкино? – удивилась я. – А почему в Пушкино?

– Так сложилось... – уклончиво ответил он.

Я подумала, что, может быть, его сын учился в лесной школе – раньше были лесные школы, вроде санаториев: дети там лечились и учились. Если Сударов в одиночку растил сына, то так ему было за сына спокойнее. Или, может быть, Володя жил в семье его сестры Евы, которая жила в Пушкино? Всё-таки мальчику нужна была женская забота, ведь он, Сударов, был весь в работе. Говорит, что порой засиживался на работе до полуночи.

Он опять проводил меня до моего дома. Вернул с благодарностью палантин. Сказал, что я его спасла от холода.

И поцеловал при прощании руку.

А потом я позвонила ему, чтобы удостовериться, что он уже дома.

30 июля, встреча пятая

Десятый день знакомства.

Встретились опять случайно, на перекрёстке, у светофора. Я уже возвращалась с бухты, сожалея, что не обнаружила его на берегу, потому что принесла ему распечатки того, что о нём написано в Интернете, фотографии из «Семейного альбома» и распечатку его статьи «Радиотеатр для детей».

Идя с бухты и стоя у светофора, увидела его, идущего на бухту. Как всегда – легко и стремительно. И как он так ходит? Как ему удаётся такая походка?

Села на заборчик, прямо напротив светофора, жду. Он перешёл дорогу и – идёт себе мимо. Поразительно: он не заметил меня! Я вот тут сижу, как воробей, на заборе, в ожидании его, а он себе несётся мимо. Как всегда – погружённый в свои мысли...

– Борис Иванович! – окликнула его.

Услышал. Оглянулся. Увидел. Обрадовался. Спросил удивлённо:

– А что вы тут делаете?

– Вот, сижу на заборе, вас поджидаю, а вы проноситесь мимо!

– «А вы прошли с улыбкой мимо И не заметили меня!» – со смехом процитировал он. – Так идёмте на берег! Или вы уже оттуда?

– Была оттуда, а теперь – опять туда. Я вам кое-что принесла интересное. Хорошо, что встретились, а то было бы досадно уносить обратно.

– А что это?

– А вот идёмте, сядем на лавочку, и я вам покажу.

Дошли до ближайшей лавочки. И я вытащила из сумки папку с распечатками. Он смотрел и страшно удивлялся. Много фотографий. О существовании некоторых он уже забыл – о том, что они у него были.

– Вы что, отдали оригиналы фотографий, а себе не скопировали?

– Видимо, так. Честно говоря, я уже не помню, как дело было.

– Здесь отличные комментарии к фотографиям. Вся ваша жизнь кратко изложена в этих комментариях. Это вы их делали?

– А кто же ещё?

– Ваша мама с сестрой – такие интересные барышни... А кто по профессии ваша мама?

– Она была домохозяйка. Занималась семьёй, растила детей.

– А кем был ваш отец?

– Кондитером. Работал на кондитерской фабрике технологом.

– Наверное, любите конфеты?

– Конфеты – нет. Я с детства люблю мороженое.

– А ваш отец воевал?

– Нет, по возрасту уже не подлежал призыву. Воевал старший брат, Володя. И погиб осенью 41-го, у города Калинина.

– Который теперь Тверь?

– Который теперь Тверь. Пришло сообщение о Володиной гибели. Но где его могила, никто не знает...

– А вы сына своего назвали в честь брата?

– Сына?.. – задумался он.

– Ну да, сына Володю назвали в честь своего погибшего брата?

– Мы как-то не думали об этом... – сказал он отрешённо. – Так вышло...

(Странно, подумала я. Ведь это так очевидно и логично).

И мы прошлись, пробежались с ним по страницам его жизни... Вот он 12-летний, это ещё до войны – 1939 год. Вот учащийся артиллерийского училища – 1946 год. Вот он на службе в Германии – 1948 год. Одна фотография просто сногсшибательная – та, где он в шляпе!

– Вы такую шляпу носили? Вам идёт! Вы тут как американский киноактёр!

– Да это не моя шляпа вовсе! Мне в фото-студии фотограф свою дал! И костюм тоже. Я пришёл фотографироваться в военной форме, а фотограф предложил сделать такое фото.

– Надо же... И не скажешь, что с чужого плеча и с чужой головы. Смотрите в этом образе очень органично.

А вот Сударов – студент Педагогического института им. Ленина – участник Международного Фестиваля молодёжи и студентов, который проходил в Москве в 1957 году.

– Я был прикреплён к немецкой делегации – был везде с ней, как переводчик. Из Германии вернулся с неплохим разговорным немецким.

Вот он с группой студентов МГПИ в Тбилиси.

– Ездили по обмену. Мы к ним, они – к нам. Интересная была поездка.

Вот он с девушкой. Он весёлый, она – грустная, смотрит задумчиво в пол-оборота на того, кто снимает... Очень милая, даже красивая, зовут, судя по подписи, Инна. Сударов никак не прокомментировал это фото, но и без комментариев было всё понятно. Странно, что у них не сложилось. Было видно, что они влюблены друг в друга. 1959 год.

А вот он – начальник пионерского лагеря от Гостелерадио, в Софрино. Отличная фотография! Сударов на ней хохочет, у глаз – весёлые морщинки, и он на этом фото почему-то очень похож на писателя Василия Шукшина.

– Вы здесь на Шукшина похожи.

– Да, мне говорили об этом.

Вот несколько фотографий, где он с Юрием Левитаном.

– А Левитан был такой высокий?

– Это я не очень высокий, – смеётся Сударов. – А Левитан нормального высокого роста, но не так, чтобы очень.

– Борис Иванович, вам бы написать о людях, с которыми

вы общались на радио.

– Так о многих я уже написал.

– Правда? А прочесть можно?

– Да я не знаю, где эти журналы...

– Так это уже и напечатано было?

– Да, всё, что было написано, было напечатано.

– А в каких журналах?

– В нашем журнале – «Радио и телевиденье».

– Вот оно что! Хотелось бы почитать. Вообще, Борис Иванович, книгу надо делать.

– Да кому это надо?.. – сказал он.

– Прежде всего, это надо вам. Даже если вы этого и не чувствуете пока. Когда мы с мужем после его инсульта стали записывать его воспоминания, он даже не подозревал, насколько эта работа станет для него важной. Вспомнить всю жизнь, перелистать все её важные страницы...

– А я сам и так всё помню. Зачем записывать? Хотя много раз думал о мемуарах. Но как-то не выбрался написать. Не думаю, что кому-то это может быть интересно...

– Мне! Мне это интересно.

– Вам?.. – с сомнением спросил он.

– Да, мне. Мне очень интересны люди. Я убеждена: каждая, абсолютно каждая человеческая жизнь уникальна. Каждый человеческий опыт драгоценен. Мой муж такого же мнения. У него есть книга, которая так и называется «Написать свою книгу». Виктор одержим этой идеей, что каждый чело-

век должен написать свою книгу. Оставить людям своё свидетельство о жизни.

– Вы думаете?..

– Я уверена в этом. И мы с вами можем написать очень интересную книгу. Если не можете раскачаться один, то сделаем это вместе. Не зря же я свалилась вам на голову?

– Наверное, не зря... – сказал он, не зная, то ли радоваться, то ли пугаться моего напора.

* * *

Сегодня, на берегу, я рассказала ему, почему так люблю песок. Мы шли по пляжу, любуясь закатом, и я шла по песку босиком, а он удивлялся, что я иду по песку босиком. Я сказала, что очень люблю песок, что для меня это просто блаженство – идти по песку, лежать на песке...

– Лежать на песке?.. – изумился Сударов. – Вы любите лежать на песке? Надеюсь, хотя бы на коврике?

– Нет, просто на песке.

– А откуда такая любовь к песку? Я лично больше люблю траву, – сказал он.

– Песок для меня – это время, вечность... А началось всё с песочницы в Оренбурге, где я познакомилась с мальчиком Мишей Бочкарёвым и подружилась с ним.

– Да, я прочёл в вашей книге, что вы жили в детстве в Оренбурге.

– Совсем недолго. Но это были очень значимые годы в мо-

ей жизни. Четыре года в детстве – это очень большое на самом деле время. У меня есть книга про Оренбург, отдельная книга, там всё подробно, и про ту песочницу, и про песочные часы... Я вам подарю.

– Спасибо. Очень интересно. А я ведь тоже жил в детстве в Оренбурге.

– Вы? В Оренбурге?

– Ну, не совсем в Оренбурге – рядом. Но в Оренбурге бывал. Тогда он назывался Чкалов.

– Да, Чкалов. Но когда мы приехали туда, Чкалову вернули его историческое название – Оренбург. А вы когда там жили?

– В эвакуации, во время войны.

– Вы там были один?

– Нет, с родителями и сестрой Евой. Мы приехали из Белоруссии. А старшая сестра Рита с мужем и дочкой была в эвакуации в Саратове. Они эвакуировались из Москвы с Шарикоподшипниковым заводом, на нём работал Илья, муж Риты.

– Выходит, вы все были накануне войны в Белоруссии? Вы, сестра и родители?

– Да. В городе Мстиславле.

– У вас там жили родственники?

– Да, мамина младшая сестра, с семьёй. Тётя Женя.

– И, наверное, бабушка с дедушкой?

– Нет, они уже к тому времени умерли. Дед ещё до моего

рождения, а бабушка года за три до войны.

– Вы говорите: Мстиславль? Я даже не слышала о таком городе.

– Старинный русский город, очень красивый.

– А как вы стали сыном полка? В Интернете написано, что вы были сыном полка.

– Меня действительно так называли. Но это было совсем недолго. Я ушёл с частями Красной армии, когда наши отступали. Я с детства мечтал быть военным. И где-то недели две шёл с ними. Ну, вот тогда меня так и называли – сыном полка. Мальчишка ведь был ещё, 14 лет. А потом, после одной уж очень сильной бомбёжки, меня отправили обратно.

– В Мстиславль?

– Да, в Мстиславль.

– И как вы добирались?

– Ну, как? Пешком... Вернулся в Мстиславль, а там уже все готовятся к эвакуации... Родители, сестра Ева... Нас эвакуировали в Чкалов.

– Хорошо, что успели. А мои родные оказались на оккупированной территории.

– Это где?

– На Украине. Город Новомосковск Днепропетровской области. Отца маминого на фронт не взяли по возрасту, ему было уже 45. А старшая мамаина сестра Мария, ей было 19 лет, ушла на фронт. Была на Курской дуге, участвовала в Сталинградской битве, освобождала Беларусь, была много

раз ранена.

– Но осталась жива?

– Да, она осталась жива.

– А ваши родные на Украине?

– Моя мама и её родители стали подпольщиками. Дед, Андрей Иванович Панченко, был одним из организаторов подпольной организации в Новомосковске. Вообще, настоящее отчество деда – Казимирович, дед был поляком. Но ещё до войны, когда начались гонения на «иностранцев», он отчество сменил. Всё равно не помогло! За своё отчество, за свою неправильную национальность и за то, что до революции был царским офицером (а каким он ещё мог быть до революции?), за всё за это дед перед войной отсидел в лагере. Здесь, неподалёку, у города Дмитрова рыл канал...

– Кошмар!..

– Кошмар. Вернулся из лагерей – а тут война. Как говорится: из огня да в полымя. На фронт не взяли из-за возраста. Стал подпольщиком. Бабушка тоже. Но она ещё не бабушка была, ей было 40 лет всего. А мама моя, ваша одноклассница, ей 14 лет исполнилось осенью, когда уже шла война, – мама стала связной между подпольщиками и партизанами. Партизаны находились в густых лесах за рекой Самарой. И мама – девочка ещё! – ходила с донесениями и с документами в этот лес. В одну сторону – 35 км. И обратно столько же. А в ноябре 41-го года деда моего схватили и расстреляли. На глазах у 14-летней дочери – моей будущей ма-

мы...

– Кошмар... А почему вы не написали об этом в своей книге про Украину?

– Я написала.

– Но я почему-то не заметил этого эпизода... А это очень важно – то, о чём вы сейчас рассказываете.

– Может, вы ещё не дочитали? Вы где сейчас? В каком месте?

– Я уже в середине книги.

– А про войну написано ближе к началу. Как же вы могли не заметить? Вы разве не подряд читаете?

– Поряд. Я ничего не пропускаю. Надо будет вернуться и перечитать начало.

– Да, пожалуйста, перечитайте. А то вам дальше будет многое не понятно.

– Обязательно перечитаю.

Провожания

И он опять идёт провожать меня...

Было уже 10 часов вечера, темно, и я волновалась: как он будет возвращаться, ведь улицы не очень хорошо освещены, а дорожка через скверик к его дому так и вовсе темна. Но Борис Иванович сказал, что знает тут всё наизусть.

Мы стояли у моего дома, который он называет замком. Свет и тени перемешались в причудливую гамму, конец июля, сегодня бы тёплый вечер – как в Крыму...

* * *

Потом я позвонила ему – узнать, как он дошёл до дома. Но у него долго было занято... Можно было и не дозваниваться – ясно, что дошёл. Но я всё же дозвонилась потом. И он со смехом сказал, что это Володя держал его на телефоне – делал втык за то, что он, Сударов, так долго бродит где-то.

– Так ещё ведь не очень поздно... Да, темно, но не поздно.

– Они мне звонят каждый вечер, в девять часов – Володя или Виталик. В девять вечера я должен быть дома.

– А если вы задержитесь где-то? Это же трудно: быть, как штык, в девять вечера дома.

– Ну, тогда у них начинается паника... И они мне устраивают выволочку. Вот, полчаса отчитывал!

– Хорошо, что вы мне сказали. Тогда мы будем уходить с берега в пол-девятого. Чтобы вы не опаздывали к контрольному звонку. Хотя лучше, мне кажется, если вы передоговоритесь с ними на десять вечера. Всё-таки девять часов – это совсем уж детское время. Вы пришли сегодня на берег в восемь вечера. И что? – тут же бежать обратно?..

– Посмотрим, посмотрим... – сказал он уклончиво. И я поняла, что заведённые в их семье правила не так-то легко корректировать. Но, с другой стороны, я искренне порадовалась, что сын и племянник так волнуются о нём.

День за днём

На следующий день, вечером позвонила ему.

– Борис Иванович, вы гуляли сегодня?

– Нет, провозился дома... Хотя надо было, конечно, выйти. Хорошая погода. А вы были на берегу?

– Я тоже провозилась дома... Накопилась куча дел.

– Вот и у меня тоже.

Я подумала, что сама порой целый день верчусь без остановки и не успеваю переделать все домашние дела. Но я – женщина, и я намного моложе его. А как он-то справляется со всем этим? Не представляю...

– А журналы поискали с вашими публикациями?

(Наивная, я подумала, что он провозился в поисках своих публикаций).

– Нет, руки пока не дошли.

– Жаль.

– Да я, наверное, и не сохранил их.

– Вот уж не поверю. В советские времена не так уж много у нас их было – публикаций, и мы всё хранили. Но если бы вы меня попросили найти мои публикации, я бы тоже нашла не сразу. С годами такие наслоения книг и бумаг произошли... Приходится производить настоящие раскопки!

– Вот и мне тоже.

– Но вы обещаете мне, что поищите?

– Обещаю поискать, но не обещаю найти, – смеётся он.

* * *

31 июля я, наконец, первый раз искупалась. Сударова на берегу не было. Звонить ему и звать его на берег постеснялась.

Но вечером всё же позвонила и сообщила, что купалась, и что вода тёплая. Он сказал, что ему тоже пора открывать купальный сезон, что в прежние годы он это делал с началом лета.

Я пригласила его на спектакль по новеллам Леонида Енгибарова. 3 августа Екатерина Виноградова и Мария Глянц, две молодые талантливые актрисы, выпускницы ГИТИСа, играют свой удивительный спектакль в Культурном центре «Новый Акрополь». Я им и насоветовала это место.

– В этом спектакле так много нежности и грусти, озорства, иронии, философии... Две молоденькие девушки играют душу Великого Клоуна. Удивительно!

– А вы что, уже видели этот спектакль? Откуда вы знаете?

– Да, уже смотрела три раза. Иду в четвёртый.

– А зачем? – не понял он.

– Это как разговор с любимым человеком...

– Ну, вы же видели уже три раза.

– С любимым человеком хочется общаться каждый день.

– А, понятно...

И он согласился сходить со мной. Ура!

Глава 2. Приключение на берегу

1 августа. Разворот сюжета, которого никто не ждал

Вернулся из Астрахани сын Антон. Зашёл ко мне на 13-й этаж, попили вместе чаю, пообщались, он рассказал о своём лекционном турне по южному региону России. Сказал, что у него дома, только он появился в Москве, тут же завелись друзья. А кого-то он прихватил с собой из Таганрога. Потом сын ушёл по своим делам.

Я работала – вводила в компьютер дневники поездок на Украину. После обеда решила сходить на бухту, искупаться.

Было жарко, на берегу полно народу, как на крымском побережье. Вода волшебная! Долго плавала, доплыла до полянки цветущих жёлтых кувшинок в середине бухты...

Вспомнила рассказ Ксюшиной крёстной, Светланы Завадовской, про Париж и кувшинки. Как-то раз, вернувшись из Парижа, она рассказала, что в центре Парижа, в одном скверике есть маленький пруд, где летом расцветают жёлтые кувшинки. И к этому скверiku выстраивается длинная-предлинная очередь – желающих посмотреть на эти кувшинки.

И они с мужем тоже ходили смотреть на кувшинки. «Светлана, – сказали мы, – так у нас на бухте цветут кувшинки!» И привели её на бухту, и она увидела эту красоту (без всякой очереди!) и была потрясена. Кстати, кувшинки цветут только в чистой воде. А ещё в воде носятся мириады рыбок... Так что с экологией на нашей бухте всё в порядке.

* * *

На обратном пути с бухты, на аллее, встретила идущих на бухту Антона и его друзей – паренька и двух девушек. «О, а вот и моя мама!» – радостно и удивлённо сказал Антон. Было очень жарко, и его друзья жаждали поскорее окунуться в спасительные воды нашего водоёма. Они пошли дальше, на пляж, а я решила позвонить Сударову – и позвать его на бухту – купаться. Он же огорчается, что этим летом ещё не купался. Заодно познакомлю его с Антоном. А то когда ещё будет такой случай? Увидит хотя бы одного члена моей семьи. Звоню...

– Борис Иванович, поздравляю с 1 августа! Пора открывать купальный сезон. Куда уж откладывать?

– А вы купались?

– Да. Два раза. Вчера и сегодня. А вы торчите дома в такую чудесную погоду.

– А я торчу дома... И это неправильно.

– Ну, так приходите! Тут и Антон с друзьями. Сегодня приехал, всего на два дня. Познакомлю вас.

– О, Антон? Хорошо, приду. Сейчас соберусь – и приду.
– Ну, я жду вас.

* * *

Ждала я его долго. Сидела в беседке, записывала по памяти наши с ним разговоры всякие, чтобы не забыть. О том, что это может быть книга, даже не думала тогда. Так, всякие мысли... Антон, когда прочёл моё эссе о Сударове десять дней назад, написал мне: «Наверное, у мамы намечается новая книга?» Но я не думала, что будет книга. О чём книга? Ну, встречаются иногда два человека на берегу, говорят о разном. Потом один человек закутывает в куртку или в плед другого, и этот другой провожает первого до дома. Сюжет слишком простой для книги.

Потом я качалась на качелях на детской площадке и всё ждала его. А он всё не шёл и не шёл. Я даже не знала, что думать. Я ведь первый раз сегодня позвонила ему, чтобы позвать на берег, и он не шёл. Мог бы и перезвонить, если передумал... Или сразу бы отказался, если не хотел идти, или не мог, был занят. Я прямо шею уже свернула, глядя минут сорок в ту сторону, откуда он должен был появиться... А я думала, что офицер (хоть и в отставке) – быстрый на сборы. Ходит-то он стремительно.

Ну, наконец-то! Идёт. В какой-то прикольной белой кепочке. Такое впечатление, что ещё из пионерского прошлого. Ну, ладно. Хотя смешно.

– Наконец-то, Борис Иванович! Я уже шею себе свернула, высматривая вас. А вы, оказывается, изрядный копуша!

– Да, что-то закопался, вы правы. Искал резиновую шапочку для плавания, но так и не нашёл...

* * *

Спускаемся с горы на берег. И вижу, что на гору поднимаются Антон и его друзья.

– Вот, Антон уже идёт обратно, – с сожалением сказала я. – А я думала, что поплаваем вместе... И вы покажете молодёжи высший плавательный класс!

Антон увидел нас. Смотрит с удивлением. Наверное, он не ожидал, что Сударов такого не очень высокого роста.

– Познакомьтесь, – говорю. – Это мой сын Антон. Путешественник. Антоша, а это – Борис Иванович Сударов, о котором ты читал на моих страницах.

Они поздоровались за руку. Антон – с вежливым полупоклоном. Смотрели с интересом друг на друга: Антон сверху вниз, Сударов – снизу вверх. Антон сантиметров на двадцать выше Сударова.

– Антоша, уже уходите? – с сожалением сказала я.

– Да, искупались, уходим.

– А ещё раз не хотите? Вместе с нами?

– Ой, мама, уже домой пора – дела всякие...

– Ну, ладно. Хорошо, что встретились.

Раскланялись. И – разошлись.

– Какой красивый у вас сын! – сказал Борис Иванович. – Очень интересный молодой человек. Такая значительная внешность... Сколько лет ему?

– Сорок.

– Но выглядит значительно моложе. Хотя и с бородой, но всё равно выглядит молодо.

* * *

Я постелила на берегу, на травке, недалеко от воды коврик. Это Сударов попросил, чтобы на травке, а не на песке.

– Вот, Борис Иванович, садитесь, скидывайте свои башмаки и прочее.

А сама быстро сбегала в раздевалку и через минуту уже плыла к хороводу кувшинок...

Поплавала там, полюбовалась на красоту, плыву обратно и вижу: стоит Сударов у коврика на травке, в своей пионерской кепочке, и смотрит озадаченно куда-то вниз... Вышла на берег, подошла к нему:

– Борис Иванович, у вас какие-то проблемы?

И смотрю туда, куда смотрит он. И вижу, что он стоит в луже крови! Мне стало как-то нехорошо... Башмаки-то он снять успел. И левая ступня вся в крови. Ноготь на большом пальце вырван с мясом и висит на честном слове.

– Кошмар!.. Борис Иванович, как это с вами случилось?!

– Зацепился о камень, упал – и вот...

– Стойте здесь. Я сейчас приведу врача.

И побежала в медицинский пункт, который на другом конце пляжа...

Бежим с доктором обратно – к Сударову, а он – уже сам идёт-прыгает к нам навстречу. Доктор увела его в свою медицинскую будку, а я побежала к нашему коврику. Стремительно переделась, собрала все наши шмотки и побежала к будке. Через какое-то время доктор вывела Сударова с забинтованной ногой и строго сказала:

– Немедленно в травмопункт! Нужна операция по удалению ногтя. Я только обработала рану и перевязала, ничем больше помочь не могу.

Мы сели на лавочку, я помогла ему обуться, ему было явно больно, он чертыхался и ругал себя. А я лихорадочно соображала: как нам попасть в травмопункт? До него нет прямого пути. Надо ехать на трёх транспортах, с пересадками. Кошмар!..

– Борис Иванович, у вас есть с собой проездной?

– Нет. Зачем он мне на пляже?

– И у меня по той же причине проездного нет.

– Но у меня есть деньги, можем доехать на такси, – сказал он.

– Сколько у вас?

Сударов вытащил из кармана бумажку в «50 рублей».

– Борис Иванович, вы шутите, что ли?

– Почему шучу? Я думаю, нам с вами хватит туда-обратно.

– Борис Иванович, извините, но вы живёте в прошлой эпохе...

– Да хватит нам!

И я поняла, что за годы вернувшегося в Россию капитализма Сударов на такси ещё никуда не ездил.

– Борис Иванович, 50 рублей – это только на одну поездку одному человеку – в метро или на автобусе.

Он стал опять ругать себя.

А я набрала номер сестры Мариши, которая уже знала о существовании Сударова: я ей рассказывала, и она читала о нём на моей странице в Фейсбуке.

– Мариша, с Сударовым приключилась история, нам нужно срочно в травмопункт. Мы на бухте. А денег на такси у нас нет. У тебя есть деньги?

– Прости, но ни копейки.

– Понятно. Ладно. Буду соображать дальше.

Я набрала номер Антона.

– Антоша, ты где?

– Идём с ребятами в магазин за мороженым.

– А у тебя есть деньги?

– Странный вопрос. Поскольку я иду в магазин, то деньги у меня есть.

– Антоша, с Борисом Ивановичем произошла неприятность, его надо срочно везти в травмопункт, а у меня с собой ни проездного, ни денег. Ты можешь мне подкинуть денег?

– А где вы сейчас?

– На пляже, у будки медицинской помощи.

– Хорошо, я иду к вам. Через 10 минут буду.

* * *

Антон пришёл очень быстро, и мы стали обсуждать: как лучше поступить – ползти потихоньку до ближайшей улицы, где можно отловить такси? Или пригнать такси на пляж? И тут к нам подошёл молодой человек южной наружности, приветливый и учтивый, и сказал:

– Я слышу, вам нужно такси?

– Да.

– Вот моя машина – за волейбольной площадкой.

Сударов, с моей помощью, допрыгал до такси. Антон (без всякой моей просьбы) решил ехать с нами. Спасибо ему.

Таксист оказался иранцем из Таджикистана. Очень приятный молодой человек. Я вспомнила, как мы с Антоном жили в Душанбе шесть лет назад – как в раю, среди таких же добрых и приветливых людей. Договорились с таксистом, что когда мы завершим свои дела в травмопункте, мы позволим ему – и он подъедет, отвезёт нас обратно.

* * *

В травмопункте оказалась огромная очередь. На часах – 8 часов вечера. В 9 вечера ему будут звонить его племянник или сын. Если его не будет дома, они поднимут панику.

– Борис Иванович, у вас есть мобильник?

– Есть.

– А где он?

– Дома.

– Понятно...

В холле человек семь с травмами. У всех, в основном, невидимые вывихи и переломы. И только один молодой мужчина с сильно кровоточащей раной на руке, все бинты промокли кровью, мужчина бледен и видно, что ему очень больно. Все дружно решили пропустить его без очереди. Он скрылся за дверью кабинета и – надолго...

– Антоша, – говорю, – Борис Иванович был знаком с легендарным Юрием Левитаном. И с другими знаменитыми дикторами и актёрами. Можешь расспросить его, пока мы тут сидим. Чтоб не скучать.

– Ой, мама, я как-то не готов сейчас... В другой раз как-нибудь. Да я не скучаю.

Антон что-то быстро писал в свой блокнот. Он сидел справа от меня, а Сударов – слева.

Прямо передо мной – круглые часы на стене...

– Антоша, – говорю негромко, так, чтобы Сударов не слышал. – Борису Ивановичу нужно быть дома в 9 вечера. В это время ему обычно звонят родственники, чтобы удостовериться, что с ним всё в порядке. Если в 9 вечера его не будет дома – у них начнётся паника. Не представляю, когда же он сегодня будет дома? И какая паника начнётся у родственников...

– Граждане, – сказал Антон, обращаясь сразу ко всем травмированным и их сопровождающим. – Думаю, что нужно пропустить вне очереди и дедушку, ему 90 лет, и у него тоже кровоточит рана на ноге... Но нога в башмаке и этого не видно.

Никто не возражал.

И тут видим: по коридору идёт полуголый, полупьяный, в шлёпанцах и в шортах, с обнажённым торсом, татуированный гражданин. Он прижимает ко рту окровавленную тряпку.

– Наверное, этот тоже с пляжа, – шепнул мне Сударов.

– Это точно, – отвечаю я шёпотом. – Спьяну упал физиономией на камень.

Татуированный гражданин, красочно плюя на пол кровью, сказал хмельным голосом:

– Я иду без очереди, потому что я истекаю кровью.

Он смачно плюнул на пол кровью ещё раз и гордо встал у двери кабинета.

– Антоша, с ним ничего страшного. Ну да, кровоточит, но не смертельно же. Но Борису Ивановичу точно нельзя долго сидеть с лужей крови в башмаке. Попробуй объяснить гражданину, что сейчас пойдёт наш дедушка.

Антон собрался с мыслями, подошёл к татуированному и негромко ему всё объяснил. Я ждала хмельных воплей возмущения, но их не последовало.

– Спасибо, Антоша. Спасибо, что ты с нами поехал. Без

тебя я бы это не разрулила так мирно.

* * *

Наконец, мы зашли в кабинет – Сударов и я, как его родственница.

Молодой, усталый доктор дал БИ карточку, чтобы он заполнил её сам.

А меня подозвала медсестра и спрашивала все данные о Борисе Ивановиче: дату рождения, адрес, телефон, и я с удивлением обнаружила, что знаю без подсказки практически всё. Как и должна знать родственница. Только на номере квартиры запнулась, но Сударов из другого конца кабинета уловил паузу в моём голосе, и подсказал: «Квартира 50». Ну, теперь я точно всё о нём знаю.

Мы зашли в операционную, и я помогла ему разуться, хотя его это сильно смущало, но я сказала:

– Борис Иваныч, бросьте! Всё – нормально.

И вышла в холл. Я очень волновалась и даже не засекала время, чтобы знать, сколько будет длиться операция.

Потом меня позвали в кабинет. В это время Антон уже звонил таксисту. Доктор сказал, что теперь мне надо ежедневно привозить дедушку на перевязки. Сударов держался молодцом. Он же военный человек всё-таки, хоть и в отставке.

* * *

Когда ехали обратно, мы с ним сидели на заднем сидении, и я крепко, изо всех сил сжимала его руку. Я знаю: когда где-то сильно болит, нужно до боли сжать руку, чтобы переключить своё внимание с реальной боли – на другое.

– Как нога, Борис Иванович? болит?

– Да не особенно, – сказал он.

– Сын полка! Умеете терпеть.

– Да, сын полка... – улыбнулся он.

Пока ехали, Антон и таксист оживлённо общались, как старые знакомые. Говорили о Средней Азии, которую Антон объехал всю.

Доехали до дома Сударова.

– Я вас провожу до квартиры, – сказала я ему.

– Мама, ну я уже не пойду с вами, – сказал Антон.

– Да, Антоша, беги к ребятам. Может, они оставили тебе немного мороженого? Спасибо тебе огромное за помощь в этой истории.

– Выздоровливайте, – сказал Антон Сударову.

– Спасибо, Антон. Рад был познакомиться.

Таксист дал нам свой телефон. Договорились, что завтра он отвезёт нас на перевязку. Только он просил позвонить ему утром – напомнить.

* * *

Мы зашли в квартиру Сударова – похожую на нашу – однокомнатную и всю заваленную книгами и бумагами. Он

тут же стал извиняться за неприбранность.

– Ничего страшного, Борис Иванович. У нас точно так же.

– Правда?

– Правда. Давайте освобождайте ногу от башмака и ложитесь, отдыхайте. Вам нужно что-нибудь в магазине, или в аптеке? Я принесу.

– Да ну что вы! Я не собираюсь ложиться. И в магазине мне ничего не нужно.

– А в аптеке? У вас есть анальгин?

– А зачем мне анальгин? Нет у меня анальгина.

– Когда пройдёт действие укола, может быть больно. Анальгин – чтобы пригасить боль и уснуть.

– Не нужен мне анальгин. Я вообще никаких таблеток не пью.

– Понятно. Сын полка уснёт и без анальгина.

– Именно так. А вы садитесь, садитесь, сейчас будем пить чай.

– Борис Иванович, я лучше пойду...

– Куда вы пойдёте? Никуда я вас не отпущу. Вот уже чайник закипает. Садитесь же!

Чайник действительно зашумел быстро... Я села на табурет у окна. Кухонька была совсем маленькая, но уютная. Я с детства люблю маленькие помещения.

Он разлил чай по кружкам. Поставил передо мной вазочку с конфетами, и мне пришлось извиняться за то, что я не ем сладкого.

– А с чем же вы пьёте обычно чай?

– С солёным огурцом или с селёдкой. С чем-нибудь солёным.

– Вы шутите?

– Нет.

– Это так необычно...

* * *

Я посмотрела на мобильник – было 9 часов вечера.

– Борис Иванович, смешно, но мы уложились. Сейчас ровно девять вечера. Ровно! Так что пусть звонят сын и племянник. Вы на месте, и они даже ни о чём не догадаются, какое у вас сегодня было приключение. Главное – вовремя вернуться домой!

Мы смеёмся...

– А с вами не случались подобные истории? – спросил он.

– Случались, да ещё как случались! У каждого члена нашей семьи была своя история с пальцем. Первым открыл эту «пальчиковую» серию Антон. Ему было шесть лет, и он поранил указательный палец на левой руке – загнал под ноготь ржавую проволоку. И – разыгралась целая история: была и операция, и долгое лечение, бесконечные поездки в Филатовскую больницу...

– И каковы последствия?

– Самые замечательные! Мы подружились с доктором, который лечил Антошу. И дружим с ним уже больше тридца-

ти лет. Это – Николай Павлович Шастин, лучший детский травматолог Москвы. Один из опорных людей в моей жизни. Мы можем годами не видеться и даже не перезваниваться, но я знаю, что доктор Шастин всегда где-то рядом. И если с кем-то из нас что-то приключается – он тут как тут! И когда Виктор лежал с инсультом, и я вместе с ним в той ужасной больнице, доктор Шастин был моей опорой. Часто навещал нас и поддерживал.

– Это замечательно.

– Поэтому, когда у Ксюши произошла история с пальцем, мы сразу позвонили доктору Шастину. Кому же ещё?

– А у Ксюши что было?

– Ой, там был полный кошмар... Она поранила руку на станке.

– На каком станке?

– Станок для распушения волокна. Она занималась в студии нетканого гобелена. Там был станок... Ей было 13 лет и, конечно, детей не надо было допускать к этому страшному станку... Палец был так искалечен, что грозила ампутация – или целая череда операций – для сохранения пальца. Хотя без стопроцентной гарантии, что палец будет сохранён. Ксюша выбрала второе. Было три операции, две из них делал доктор Шастин. Палец удалось сохранить. Спасибо доктору Шастину!

– Кошмар... Ну хорошо, что так кончилось.

– А у меня тоже была история. Но об этом в другой раз

как-нибудь расскажу. Не хочу вас сильно грузить сегодня.

– Да... моя история по сравнению с вашими историями –
суший пустяк! – сказал Борис Иванович.

Рассказ Сударова про отца: Кларнетист-кондитер

– Борис Иванович, а на кого вы похожи – на маму или на отца?

– На отца! Причём, очень похож. Отец был музыкантом – играл на кларнете.

– Музыкантом?.. – удивилась я. – А вы мне говорили, что отец ваш работал на кондитерской фабрике.

– Всё правильно. Он был музыкантом. Но одной музыкой не заработаешь на семью. Поэтому он устроился на кондитерскую фабрику, технологом.

– Это было здесь, в Москве? На какой фабрике он работал – «Рот Фронт», или «Красный Октябрь»?

– Нет, отец в Москве никогда не жил.

– А где же он жил?

– В Мстиславле.

– Он там, а вы тут?

– Да нет, мы все жили в Мстиславле.

– А как вы там оказались?

– Мы просто там жили.

– Ничего не понимаю... А где вы родились?

– Там же и родился – в Мстиславле. Старинный русский город. Теперь это Белоруссия.

– А я думала, что вы с родителями и сестрой Евой летом

41-го года в Белоруссии отдыхали. У своих родственников. И вас там застала война...

– Война нас там действительно застала. Но мы там не отдыхали, – мы там жили.

– Борис Иванович, я-то думала, что вы – коренной москвич.

– Нет, я – коренной мстиславец.

– Вот всё как, оказывается, было... Наконец-то, я в чём-то разобралась. Борис Иванович, а как звали вашего отца?

– Иван Владимирович Сударов. Он был музыкантом, играл на кларнете.

– А из какого он был сословия?

– Ой, даже не знаю... Никогда его об этом не спрашивал. Сам отец родился в Рославле, на Смоленщине. Знаю, что во время Первой мировой войны отец попал в музыкальную команду. Но его отправили не на Западный фронт, где реально шли бои, а на Дальний Восток. Потому что ждали нападения Японии. Там тоже стояли наши войска на этот случай. На случай нападения Японии. Но Япония не напала. Таким образом, отец избежал участия в боевых действиях. А после войны, когда отец демобилизовался, его друг по музыкальной команде, который был родом из Мстиславля, позвал его с собой – в Мстиславль. И отец поехал... И там встретил свою судьбу – нашу маму. Нашу будущую маму.

– Фаину Исааковну?

– Да. А откуда вы знаете её имя?

– Из Интернета. Из Музея радио и телевиденья, с ваших персональных страниц. Там есть фотография вашей мамы и её сестры – Евгении Исааковны. Я же вам распечатала эти страницы и отдала вам в папке.

– В папке?.. – спросил он. И я поняла, что он уже подзабыл про эту папку. – Да, это тётя Женя. Она со своей семьёй тоже жила в Мстиславле. Они снимали квартиру. А мы жили с бабушкой, в большом бабушкином доме.

– А сколько детей было в вашей семье?

– Четверо. Рита, самая старшая, за ней – Володя, потом Ева и я.

– Вы – самый младший?

– Да.

– Подскажите названия городов, а то я не запомнила. Запишу себе на память, – сказала я и вытащила из сумки ручку и блокнот.

– Рославль, Смоленской губернии. Отец здесь родился. Служба на Дальнем Востоке в музыкальной команде. Ждали нападения Японии. После демобилизации приехал в Мстиславль, женился. И до войны мы все жили в Мстиславле. Только сестра Рита успела до войны выйти замуж и уехала к мужу в Москву. Жила в районе Мещанской улицы. Её муж, Илья, работал инженером на Шарикоподшипниковом заводе. Но каждое лето Рита приезжала в Мстиславль, со своей маленькой дочкой Софой. В Мстиславле всегда летом было много отдыхающих. Кто-то, как Рита, приезжал к своим род-

ным, а кто-то просто на отдых. Красивый, старинный, тихий город. Речка Вихра, приток Сожи, богатая природа, большой старый парк, который все называли почему-то Бульвар... На Бульваре по субботам и воскресеньям играл духовой оркестр...

– И ваш отец играл в этом оркестре?

– Конечно! Кстати, оркестр играл не только в парке. Их приглашали играть и на свадьбах, и на похоронах. Не только в самом городе, но и в другие места за городом.

– Понятно. Без музыки ничто невозможно... Я с детства обожаю духовой оркестр. У нас в парке Чкалова в Днепропетровске тоже играл духовой оркестр по вечерам. Незабываемые воспоминания детства... Борис Иванович, можно сказать, что у вашего отца была профессия «кларнетист-кондидер».

– Да, можно так сказать, – улыбнулся Сударов.

* * *

– Борис Иванович, со стыдом должна признаться, но я даже названия вашего родного города никогда не слышала. А Мстиславль и Мирославль – это не одно и то же?

– Нет-нет. Мстиславль – это старинный русский город, в Могилёвской области. Город небольшой, но с большой историей. Основан русскими князьями, а в дальнейшем множество раз переходил из рук в руки: был и под Литвой, и под Польшей, и опять под Россией. На таком пограничном месте

он находится. Через него в Россию шли войска Наполеона... А после образования СССР, Мстиславль был включён в республику Белоруссия, и с тех пор считается белорусским городом. А Мирославль – это где-то на Украине.

– А вы, как историк-филолог, писали что-нибудь об истории вашего города?

– Да нет. Всё уже давно изучено и написано.

– Обязательно почитаю в Интернете про ваш город. Вы меня заинтриговали. А в Рославле вы бывали, у родителей отца?

– Нет, в Рославле не бывал. И родителей отца не знал, их к моему рождению уже не было в живых. Как и маминого отца. Так что дедов у меня не было. Была только одна бабушка Аня – мамина мама. Мы все жили в большом бабушкином доме...

– Наверное, ваш отец после демобилизации не поехал в родной Рославль потому, что родителей уже не было, и его там никто не ждал?

– Вполне может быть.

– Борис Иванович, а расскажите немного подробнее о вашем детстве. О детстве в большом бабушкином доме...

И Сударов начинает рассказывать...

Забегая наперёд, скажу, что о своём детстве Борис Иванович вспоминает и рассказывает часто, и здесь я собрала вместе то, что мне из его рассказов особо запало в душу. Начиная с этого вечера, начались мои расспросы и его рас-

сказы-воспоминания. Я почувствовала, что уже могу задавать вопросы. А он почувствовал, что может со мной быть откровенным. Хотя не сразу он вспоминал всё в подробностях. О каждом эпизоде жизни он мне рассказывает по многу раз. Сначала это как бы эскиз, абрис. Потом, в следующий раз, начинается прорисовка событий... Он вспоминает всё больше и больше, всё глубже и глубже. Мы с ним как будто вместе раскапываем артезианские источники его памяти. Освобождаем их от осыпавшейся листвы, от песка...

Рассказ Сударова о детстве: он любил мороженое и мечтал стать генералом

Итак, небольшой старинный город Мстиславль, небольшой, но с большой историей.

Большой бабушкин дом. Здесь жила его бабушка по матери – Анна Львовна Маневич, давно овдовевшая, и её старшая дочь Фаина Исааковна, в девичестве Маневич, в замужестве Сударова – со своим семейством.

Младшая дочь бабушки, Евгения Исааковна, с мужем Давидом и тремя сыновьями жили отдельно.

Вокруг бабушкиного дома – большой двор и сад. В доме пять больших комнат, в одной из них – огромная печь. Занимала половину комнаты. Печь выходила своими боками в три комнаты: в кухню, столовую и спальню. В этой печи бабушка Анна пекла хлеб.

– Бабушка пекла хлеб, очень хороший хлеб, и продавала его, это был её бизнес, как сказали бы теперь. У неё был свой столик на рынке, она сама выпекала, сама и продавала. Её покупателями были педагоги, врачи, аптекари... Одним словом, интеллигенция города. В выпечке хлеба бабушке помогала Варька, девушка-домработница.

Мама, Фаина Исааковна, выпечкой хлеба не занималась.

Она занималась детьми. Детей было четверо. Дети рождались с не очень большими промежутками в возрасте. Так что хлопот у Фаины Исааковны было достаточно.

– Хотя и в магазине можно было купить хлеб. На кондитерской фабрике, где работал отец, там выпекали и хлеб тоже. Хороший хлеб. Но бабушкин хлеб ценился как-то особо. Её постоянные покупатели не всегда ей сразу платили. У неё была большая тетрадь, куда она записывала: кто сколько купил, и на какую сумму. И в конце месяца они расплачивались с бабушкой.

– Борис Иванович, а на какой улице вы жили?

– Улица Сутоцкая. Не знаю, что означало это название. А потом её переименовали в Интернациональную.

– Это где-то в центре города?

– Да, в центре. Летом я часто приходил на фабрику к отцу, и он мне давал дегустировать мороженое. На кондитерской фабрике летом делали и мороженое тоже. Зимой, кажется, не делали... Я с детства очень люблю мороженое. Отец набирал мороженое деревянной лопаткой и давал мне прямо с лопатки в рот! Иногда мне давали покрутить железные баки, в которых замораживалось мороженое.

– А зачем их надо было крутить?

– Чтобы мороженое заморозилось равномерно. Баки с жидким мороженым, попросту говоря – со сладким молоком, ну и с разными добавками, их помещали в бочки со льдом, а сверху бака была приделана деревянная палка,

которая крепилась за большой гвоздь, и надо было вращать бак за эту палку. В бочке со льдом.

– Долго?

– Час, или два.

– Ничего себе! Так это будь здоров какая работка!

А сколько вам лет было тогда?

– Лет двенадцать, тринадцать. Но мне не казалось это трудным. Вращать эти баки надо было до тех пор, пока мороженое внутри не проморозится всё равномерно. Ну, а потом папа давал мне продегустировать мороженое, с деревянной лопаточки...

– И это была заслуженная награда за труд! Думаю, что вращать эти баки в бочках со льдом было не очень-то легко.

– Но мне это нравилось. В детстве никакая работа не кажется трудной. Я очень любил мороженое и готов был крутить эти баки хоть каждый день! А вы в детстве любили мороженое?

– Конечно. Меня бабушка Дора водила в парк Чкалова, в павильон «Мороженое», где мы с ней пировали. Не часто, конечно. Может, пару раз за лето это и случилось. Три разноцветных шарика в вазочке на высокой ножке... Это было в Днепропетровске, в начале пятидесятых, в пору моего раннего детства. А вот в Оренбурге мороженого не помню. Может, оно где-то и было, но как-то прошло мимо меня.

– Надо же!.. А я очень любил мороженое. Я был уверен, что все дети его любят. Иногда прибежал к бабушке на ры-

нок, она мне давала полкопейки на мороженое, и я бежал на Бульвар. Там стояли три будки – с мороженым, сельтерской водой, пирожное тоже продавали в этих будках, рулеты всякие. Это всё была продукция кондитерской фабрики, на которой работал отец. На фабрике была лошадка с повозкой. Её каждый день нагружали мороженым, всякими кондитерскими изделиями и развозили по всему городу – по «точкам». Три точки (три будки) были как раз на Бульваре. Это был большой старинный парк, но его почему-то все называли Бульваром. Всегда летом было много гуляющих на Бульваре. В Мстиславль многие приезжали на отдых, даже из Москвы. Москвичей было много. На Бульваре была танцплощадка. Была сцена – иногда выступали артисты, но не часто. Ещё был летний открытый кинотеатр. Фильмы показывали регулярно. А в субботу и воскресенье на Бульваре играл духовой оркестр...

– И ваш отец играл в этом оркестре!

– Да!

– А вы хотели, как отец, стать музыкантом?

– Нет. Почему-то нет, никогда об этом не думал. С детства мечтал о военной карьере. Хотел стать генералом.

– Прямо-таки генералом?

– Конечно!

– Ну, понятно, такое было время, все мальчишки играли в «красных» и «белых», все хотели быть героями.

– Да. Я со своими друзьями у нас во дворе даже построил

танк!

– Танк?

– Да, большой танк. Из досок.

– И вы дружно побивали врага?

– Именно так!

– Вы были предводителем мальчишек?

– Был. У меня была целая команда, человек двенадцать – ребята с нашей улицы. Меня, кстати, друзья называли Сударем.

– А как же ещё вас называть? Конечно, Сударь! И чем же занималась ваша команда? Вы, наверное, как тимуровцы, помогали одиноким бабушкам?

– Честно говоря, бабушкам мы не помогали. Каюсь!

– А тогда чем же занималась ваша команда?

– Как все мальчишки в ту пору, играли в «красных» и «белых». Устраивали кулачные бои. Ходили стенка на стенку с ребятами с соседней улицы. Но это редко. До больших драк всё же не доходило. Так, мальчишеские игры... Чаше воровали яблоки из соседских садов...

– С вами, сударь, всё ясно.

Мы смеёмся.

* * *

– Борис Иванович, вы порой напеваете что-то, и я слышу, что у вас хороший музыкальный слух. Скажите: а ваш отец хотел, чтобы вы стали музыкантом?

– Наверное, хотел.

– А он как-то занимался с вами музыкой?

– Конечно. Он часто что-то напевал мне, или наигрывал на кларнете – и просил, чтобы я угадал, что он напевает, или что играет.

– И вы угадывали?

– Угадывал. Но отец сложного ничего не играл. Он играл те мелодии, которые я уже знал.

– Ну, правильно. А как бы вы угадали ту мелодию, которую вы ещё не слышали?

– А ещё он мне настукивал ритм. Он часто выстукивал мелодию пальцами, и я по ритму должен был угадать, что это за мелодия.

– Угадывали?

– Конечно! – улыбается он озорно, как мальчишка. Как тот самый мальчишка, который угадывал мелодию.

– Жаль всё-таки, что вы не стали музыкантом, – говорю я.

– Но я никогда в течение жизни об этом не жалел.

– Надо же... А кто-нибудь из детей в семье Сударовых стал музыкантом? Ваш брат, или сёстры?

– Нет, никто. Рита рано вышла замуж, растила дочку, потом работала в каком-то НИИ на незначительной должности, НИИ находилось прямо у них во дворе. Ева стала педагогом. Володя тоже был педагогом, но погиб на войне... Я выбрал сначала военную карьеру, а потом – историко-филологический факультет, мне это было ближе.

– Хорошо, что вас никто не мучил музыкой. Мудрые родители, которые дали детям сделать свой собственный выбор. Но вы ведь любите музыку?

– Конечно, люблю. Любую хорошую музыку.

* * *

– Борис Иванович, по вашим рассказам чувствуется, какая у вас была хорошая, тёплая семья. Большая тёплая печь в центре дома – это как сердце вашего дома. Символ вашей семьи. Скажите, а ваши мама и бабушка были верующими?

– Бабушка – да. Была верующей и всё соблюдала. Мама – скорее тоже да, но никак это особо не проявляла. Они были иудейками.

– Я это поняла.

– А отец, мне кажется, был неверующий.

– А на каком языке вы говорили в семье?

– На русском. Отец чисто на русском. Я тоже. Я учился в русской школе. А мама и бабушка говорили на русском, с примесью белорусского. Вставляли иногда белорусские словечки в русскую речь.

Борис Иванович молчит, задумавшись, вспоминает...

– Нет, отец не был верующим. Но и коммунистом тоже не был. Вот и я получился атеист. Хотя верю в судьбу.

Я подумала, что отец Бориса Ивановича, был, скорее всего, православным. Иван Сударов, рождённый в России до революции, никем другим быть не мог, наверное. Но Иван Су-

даров органично вошёл в еврейскую семью, и семья его приняла. И никто никому ничего не навязывал. Никто никого не переделывал под себя. В этой семье все уважительно относились друг к другу. Это говорит о большой мудрости, прежде всего, – бабушки Анны Львовны, главного человека в их доме. А ещё это говорит о том, что любовь сильнее и выше всех национальных и религиозных различий. Бог есть Любовь. И это во всех религиях так.

– Ваши родители были любящими. Любили друг друга и вас – своих детей.

– Это так.

– Хорошее у вас было детство, – говорю я. – Теплое... Бабушкины хлеба, папин кларнет, мороженое... И – несокрушимый танк во дворе!

Сударов смеётся. И я вижу, что в эти минуты он – там, в далёком Мстиславле, где играет оркестр на Бульваре, где все живы, и он совершенно счастлив...

* * *

– А вы чай не пьёте, – сказал он, вынырнув из воспоминаний. -. Подлить горяченького?

– Спасибо, Борис Иванович, но я уже пойду. А вам надо отдыхать. Спасибо вам за чай и за ваш чудесный рассказ о детстве. Я как будто увидела всю вашу семью – и вашу бабушку, которая печёт хлеб, и вашего отца кларнетиста-кондитера, и вашу красивую черноглазую маму в окру-

жении четверых красивых детей...

Букеты на память

Обратила внимание, что в комнате у него на книжных шкафах стоят многочисленные вазочки с засохшими букетиками. С очень-очень давно засохшими... Эти букетики уже почти мумифицировались. Все цветы одинакового – тёмно-коричневого цвета. Наверное, жена Бориса Ивановича приносила эти букеты. Наверное, они так и будут стоять тут вечно – в память о ней. Стало грустно...

Хотя я тоже люблю засохшие букеты. С каждым из них у меня связаны какие-то воспоминания. И теперь понимаю, какую грусть они навевают на Антона. Он всегда просит меня выкинуть их. Пожалуй, я решусь на это.

* * *

Ещё обратила внимание на то, что прихожая у него выкрашена в оранжевый цвет – как у меня ванная комната.

– Борис Иванович, а кто вам выкрасил прихожую в оранжевый цвет?

– Я сам. Я всё в доме сделал сам.

– Любите оранжевый цвет?

– Да.

– Я тоже.

– У нас с вами есть что-то общее, – улыбнулся он.

– Думаю, что, кроме оранжевого цвета, ещё кое-что найдётся. Ну, желаю вам, чтобы нога ночью не болела.

* * *

Придя домой, позвонила ему и напомнила, чтобы он приготовил к завтрашнему визиту в травмопункт свой паспорт и медицинский полис. А он стал извиняться, что не проводил меня до дому.

– Вы что, Борис Иванович, серьёзно?

– Конечно. И мне очень стыдно. Но... нога очень сильно болела.

– Вы знаете, я догадалась.

– КАК?!

– Интуитивно.

– Так вы прощаете меня?

– Прощаю! А как же вы будете спать, если нога сильно болит?

– Как я буду спать? Крепко. Как всегда.

– Давайте принесу анальгин.

– Ни за что!

– С вами всё ясно, сын полка.

Он смеётся.

– Спасибо вам за заботу, – говорит он. – За ваше участие в операции «Ы». И вашему Антону тоже. Хороший у вас сын.

– Да, замечательный.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Ночью я читала в Интернете про город Мстиславль

Положение Мстиславля на границе разных государств, часто враждующих между собой, – России, Польши и Литвы – определило историю города, которая оказалась очень кровавой. Всё время за этот пограничный город шли битвы. И те, кто захватывал город, не щадили тех, кто в нём в тот момент обитал...

Судя по фотографиям, Мстиславль сочетает в себе черты русского и прибалтийского города. Кто-то его называет бело-русским Суздалем, а кто-то – маленьким Вильнюсом. Очень красивый, уютный, зелёный. И эта красота какая-то щемящая...

Поразили старинные гравюры, на которых изображён католический костёл монастыря кармелитов на высоком холме. Холм называется Замковая гора. Гравюры дышат средневековой суровой красотой. Когда-то в городе было много католиков. После захвата города князем Трубецким, католиков почти не осталось, их вырезали...

Во времена советской власти костёл был то общежитием, то складом. Он и сейчас не действующий. Реставрация идёт крайне медленно.

С некоторых пор, так сложилось исторически, в городе было, по большей части, еврейское население. В конце 19 ве-

ка из 8 с половиной тысяч жителей – 5 тысяч были евреи. Остальные – белорусы (2 тысячи), полтысячи русских и чуть больше сотни поляков.

К началу Второй мировой войны население Мирославля насчитывало 10,5 тысяч населения, а пропорции в национальном составе оставались те же, что и раньше.

С началом войны многие еврейские семьи эвакуировались. Но далеко не все...

Здесь был свой Бабий Яр, но меньшего масштаба, просто потому, что населения было меньше. 15 октября 1941 года более 1.300 оставшихся в городе евреев были согнаны к Кагальному рву и уничтожены. К концу войны в еврейском, в основном, городе Мстиславле не осталось ни одного еврея...

На следующий день

На следующий день первый звонок был от Антона. Он напомнил мне, что Сударова надо возить на перевязку, а перед этим я должна сделать контрольный звонок таксисту. Я всё это помнила и сама, но мне была приятна забота сына.

– А мороженое тебе досталось вчера? – спросила я, зная, что сын любит мороженое.

– Досталось! Ребята без меня есть не стали. Ждали меня.

– Хорошие ребята.

Странно, но телефон вчерашнего учтивого таксиста не отвечал. Звонила много раз, и всё безрезультатно. Я заволновалась. Перезвонила Антону.

– Антоша, я волнуюсь: вдруг с ним что-то случилось?..

– Мама, тебе бы только волноваться по пустякам. Ну, может, человек всю ночь работал и сейчас спит без задних ног и не слышит звонка. Вызывай другого с Яндекс-такси.

* * *

Когда я подошла к дому Сударова, он меня уже ждал во дворе. Сидел на лавочке перед пышно цветущей клумбой и общался с двумя мужчинами среднего возраста. При моём появлении, они тут же ушли.

– Этот, высокий, – с Иновещания, а другой – оператор с телевиденья. Мы тут все живём со дня основания дома, –

сказал Сударов.

– Ну, как вы, Борис Иванович? Как нога? – спросила я.

– Нормально.

– Как спали?

– Хорошо спал. А вы?

– А мне всю ночь снились кошмары... – призналась я.

– Связанные с моей ногой?

– Ну, да! Не с моей же.

Мы смеёмся.

– Документы не забыли?

– Нет, не забыл. Вот они.

Утро было солнечное, нежное. Сударов сокрушался, что такая чудесная погода, только купаться бы, а с ним приключилась такая дурацкая история.

Вскоре подъехало такси, и мы отправились по вчерашнему маршруту.

* * *

В травмопункте, в перевязочной был другой врач – большая, пухлая приветливая тётя.

– Что у вас? – с улыбкой спросила она.

– Вчера удалили ноготь, – сказала я.

– Прямо так и удалили?

– Ну, да...

Я оставила Сударова в перевязочной и пошла волноваться в коридор. Звонила в Яндекс-такси, чтобы заказать ма-

шину. Почему-то водитель, который нас вёз сюда, отказался дать мне свой телефон. Сказал, что у них так не положено. Почему-то с Яндекс-такси никак не соединялось. Позвонила сестре Марише и попросила её.

Тут в коридоре возник Сударов, а меня позвали в перевязочную.

Большая приветливая докторша сказала:

– Ноготь вашему дедушке вчера удалять не стали.

– Как не стали? Он же был совершенно сорван...

– Но доктор решил оставить его, чтобы прикрыть рану. Чтобы повязка не прилипала к ране. Он его приклеил скотчем.

– Скотчем?! – изумилась я.

– Ну, да. Может, ноготь частично приживётся. Так бывает. А вы перед сном развязывайте дедушке повязку. Пусть нога дышит. А скотч отклеивать не надо.

«Сюр какой-то», – подумала я.

Она взглянула на меня, и что-то на моём лице, видимо, отобразилось – какая-то растерянность. Я в ту минуту думала на тему: как я буду ходить к Сударову развязывать перед сном его ногу, чтобы она дышала...

– А ваш дедушка разве живёт не с вами? – спросила докторша.

– Нет. Он живёт один.

– Вот как... – сказала она недоумённо и, одновременно, уважительно. Недоумённо в мой адрес и – уважительно в ад-

рес Сударова.

– Ну, пусть сам тогда снимает на ночь повязку, – сказала она.

– Спасибо, я ему передам.

Я передала её пожелание Сударову.

– Нет-нет, я снимать ничего не буду, – запротестовал и наотрез отказался Борис Иванович.

Мы сидели в коридоре, в ожидании такси, и говорили об альтернативном лечении. Я предложила ему свои руки. Я ведь умею лечить руками.

– А откуда у вас такие способности?

– От моей бабушки Доры. У неё были потрясающие руки. Горячие, как у меня. И она умела лечить. В концлагерях её руки спасали тех, кто замерзал... Её называли «лагерной мамой».

– Удивительно...

– А ещё я этому училась. Прошла две ступени рэйки.

– Рэйки – это что такое?

– Лечение руками. Меня учил замечательный человек – голландский мастер по рэйки Ганс Трэвэрс. Это совершенно безопасное, безвредное и очень действенное лечение.

– А как это происходит?

– Очень просто. Я накладываю руки на ваше больное место, и через меня – из космоса идёт энергия – прямо в вашу больную точку. И эта энергия лечит вас.

– Простите, но я не верю в это...

– Жаль. Я реально могла бы вам помочь. Процесс заживления пошёл бы гораздо скорее.

Он скептически улыбался на мои слова.

– Простите, но я атеист, – сказал он.

– Вы – атеист?! А как вам это удаётся?

– Я не верю в Бога-существо.

– Так я тоже не верю в существо с бородой, сидящее на облаках. Это сказки для детей.

– Но я верю в судьбу, – сказал он.

И тут пришло такси.

На обратном пути мы спорили из-за оплаты.

– Я катаюсь тут с вами на такси, а вы хотите за меня платить? – обескуражила я его своим вопросом.

С трудом, но мы как-то взаимно уладили этот деликатный вопрос.

* * *

– Идёмте пить чай! – сказал Сударов, когда мы выгрузились из такси.

Шли мимо пышно цветущей клумбы, мимо лавочки, на которой в эту минуту сидела очень красивая, очень старая, чопорная дама голубых кровей. Было видно невооружённым глазом, что голубых. Она и Сударов поздоровались. Заходя в подъезд, он сказал:

– Бабулька с Иновещания. Редакция иностранного вещания.

– Какая бабулька? Где вы видели бабульку? – возмутилась я. – Потрясающе красивая женщина!

– Да она старше нас обоих! – фыркнул он. И я поперхнулась от смеха. Ну, вот умеет же Сударов меня рассмешить. Это же надо так сказать: «Она старше нас обоих!»

* * *

Он опять извинялся, что у него бардак.

– А когда бы вы убрали – ночью, с раненой ногой? Борис Иванович, да всё хорошо! Обычный интеллигентский творческий беспорядок.

– У вас тоже так?

– У нас тоже так. Вот вернётся из лагеря мой муж, придёте к нам в гости и убедитесь, что у нас тоже так.

– Спасибо, с удовольствием приду.

– И я, кстати, покажу вам в Интернете «Музей радио и телевиденья», где ваши персональные страницы.

– Да, это интересно.

Сидели на кухне. Был полдень, мы быстро обернулись. На плите вскипал чайник... Сударов недоумевал:

– И зачем это случилось со мной? Вот такая ерунда с ногой!

– Наверное, это должно было случиться, – сказала я. – И давайте рассмотрим плюсы в этой истории, которые безусловно есть.

– Плюсы? Да какие плюсы?! – возмутился он.

– Очень удачно, что это произошло не дома и не ночью, когда вы один. Очень удачно, что мы были вместе в этот драматичный момент. Это – большой плюс, согласитесь.

– Да, это так.

– И очень удачно, что в этот момент в Москве и совсем рядом оказался Антон. Он как будто специально приехал вчера утром в Москву, чтобы вечером отвезти вас, точнее – нас в травмопункт. Это – второй большой плюс. Согласны?

– Согласен. С этим не поспоришь. Спасибо Антону огромное.

– И мы успели вернуться к девяти часам! Это – третий плюс. И ни Володя, ни Виталик ни о чём не догадались.

Он хохочет... У него совершенно молодой, юношеский, очень заразительный смех. И вообще, в нём как будто одновременно живут много возрастов.

– А теперь давайте пить чай, коль вы меня к себе затащили.

– Только у меня ничего к чаю нет, – сказал он огорчённо. – Только конфеты, которые вы не едите.

– И не надо ничего! Чай хорош сам по себе. Ужасно хочется пить!

Он всё же поставил передо мной вчерашние конфеты и нашёл в холодильнике батон хлеба, горюя, что угощение его так скромно.

– Да всё хорошо, Борис Иванович!

Рассказ Сударова про начало войны: Чёрный репродуктор и белая лошадка

– Борис Иванович, спасибо вам за вчерашний рассказ о вашем детстве. Я, кстати, ночью почитала в Интернете про Мстиславль. Очень интересно всё. А я-то думала, что вы на летних каникулах отдыхали у родственников в Белоруссии, и вас там застала война.

– Война нас там действительно застала... Это был воскресный день. Мы играли с ребятами во дворе, в своём танке, который мы склотили из досок... Я зачем-то забежал в дом. И увидел, что все прильнули к круглому чёрному репродуктору на стене... Мама, Ева, Рита. И все такие встревоженные... И говорят: «Война, война!..» А из репродуктора – голос Левитана – о том, что Германия напала на нас.

Рита тогда у нас гостила с дочкой Софой. А папы не было в тот момент дома. Наверное, он был с оркестром где-то на вызове... Потом он пришёл. А вскоре принесли телеграмму от Ильи, Ритиною мужа. Он просил её немедленно возвращаться домой, в Москву.

На следующий день папа проводил Риту с Софой на станцию Ходосы. Это ближайшая к Мстиславлю станция, 20 километров от города. Софе было года два или три. Они уеха-

ли в Москву. Честно говоря, никто не думал, что война – это надолго. Были уверены, что закидаем немцев шапками. Старший брат Володя как раз к моменту начала войны отслужил в армии и должен был вернуться. Девушка у него хорошая была, ждала его... Но – не вернулся, был отправлен на фронт. Наши стремительно отступали. Уже они были близко от Мстиславля...

– Тогда вы и стали сыном полка?

– Сыном полка я был совсем недолго. Я уже вам рассказывал. Ушёл из Мстиславля с отступающими частями Красной армии. Это было страшное отступление... Немцы совершали постоянные налёты и бомбёжки. Неделю или две мы шли, сейчас я уже даже затрудняюсь сказать, сколько точно. А после одной особо сильной бомбёжки меня отправили домой...

Когда вернулся в Мстиславль, это было, кажется, 11 июля. Тут уже все готовились к эвакуации. Секретарь горкома партии собрал жителей города и объявил, что коммунисты, евреи и члены семей красноармейцев должны немедленно эвакуироваться...

(Семья Сударовых была в списке на эвакуацию по двум пунктам: жена Ивана Владимировича была еврейкой, а старший сын Владимир был в рядах Красной армии).

– К сожалению, не все евреи захотели эвакуироваться, – говорит Сударов, – не все верили в то, что придут немцы, а если и придут, то не верилось, что они будут вредить мир-

ному местному населению. Поэтому часть евреев осталась – жалко было людям покидать родные дома и нажитое имущество...

Немцы очень быстро наступали. Фронт был совсем близко от Мстиславля. На кондитерской фабрике по ночам пекли хлеб для красноармейцев – для тех частей, которые стояли у города. Потом командир попросил выдать красноармейцам муку. Решено было выдать. А остатки разделили между горожанами. Нам тоже достался мешок муки.

Станция Ходосы уже была занята немцами. Надо было пробираться на другую станцию.

– А на чём?

– На кондитерской фабрике была лошадка, на которой развозили по городу мороженое и кондитерские изделия. Вот она и была нам выделена. Но не только нам. Три семьи погрузили на повозку свой скарб. Или даже четыре. Брали самое необходимое – какую-то тёплую одежду и муку.

– А тётя Женя тоже эвакуировалась с вами?

– Не с нами. Её муж Давид работал на винном заводе, на заводе было несколько машин, грузовиков, так что им было полегче. Их эвакуировали в Саратовскую область.

– Выходит, что вы уходили в эвакуацию пешком?

– Да, мы шли, а лошадка везла наш скарб. Лошадка была белой масти. Мы ушли из Мстиславля, если мне не изменяет память, 13 июля. Были частые налёты немецкой авиации, и мама очень переживала, что нашу белую лошадку хорошо

видно с воздуха, мама боялась, что лошадка привлечёт к себе внимание немецких бомбардировщиков. Поэтому её прикрикнули чем-то – типа попоной.

– И сколько вы так шли?

– Где-то трое суток.

– А ночью?

– Ночью спали.

– В степи?

– Скорее, в лесу. И где-то на третьи сутки пришли в городок Кирово. Там жили знакомые. Остановились у них. Женщины сразу стали из той муки, что везли с собой, жарить какие-то оладушки, наша мама тоже. Мы ведь несколько дней не ели горячей пищи, а мне было поручено пасти лошадь, присматривать за ней. Я сидел неподалёку от дома, лошадь была распряжена, щипала траву, я её караулил... Папа велел мне зорко смотреть за ней, чтобы куда-нибудь не убежала. Я следил... Но уж очень хотелось есть. И я забежал в дом, совсем ненадолго, взять оладушек. А когда вышел – нашей белой лошади уже не было...

– Как не было?

– Украли! Мы думали: ушла куда-то. Но куда могла уйти так быстро и так далеко? Искали повсюду... Но – безрезультатно. Кто-то увёл.

– Папа ругал вас?

– Нет. Не ругал. А какой смысл ругать, если лошади уже нет?

– Хороший у вас отец был, добрый. И как же вы добирались дальше до станции?

– Хозяин этого дома отвёз нас на станцию на своей лошади. Кажется, станция называлась Фаянсовая, но могу ошибаться. А расплатились мы с ним тем, что осталось от нашей лошади – упряжью и телегой.

– А что дальше?

– А дальше, уже на этой станции, мы сели в поезд. Огромный эшелон с эвакуированными шёл из Западной Белоруссии, шёл через Брест, Орш... Он уже был забит битком! Но мы как-то втиснулись. Помню, что в поезде пахло лошаадьми. Потому что, когда состав шёл в сторону фронта, в этих вагонах везли на фронт лошадей. А потом обустроили в вагонах двухэтажные нары. И почистили, конечно, после лошадей. Но всё равно всю дорогу пахло лошаадьми. До сих пор помню этот конский запах...

– Хотя прошло 75 лет.

– Да. А как его забудешь – этот конский запах?.. И ещё помню, как на станциях выбегали из вагонов за кипятком... На всех станциях можно было взять кипяток. На стене каждой станции было крупно написано: КИПЯТОК. Я сначала думал, что «Кипяток» – это название станции.

– И долго вы ехали?

– Суток двое, или трое. Не очень долго, состав шёл быстро. Ехали без пересадок. Но иногда останавливались – пропускали воинские эшелоны. Мы ехали в глубь страны, на во-

сток, а они ехали на запад – на фронт... Никто не знал, куда нас везут. Кто-то говорил: зима впереди, хорошо бы попасть в Среднюю Азию, там тепло... Но нас привезли на Урал, в город Чкалов.

Приехали ночью. Нас там уже ждали лошади с подводами. На привокзальной площади сотни подвод. Колхозы со всей области прислали за нами лошадей. Надо отдать должное Чкаловскому обкому партии, всё было организовано очень хорошо. Представить только: прибыл огромный состав с эвакуированными! И всех надо было как-то распределить по квартирам, всем найти жильё. Нашей семье предстояло ехать в село Сенцовку, это 100 километров от Чкалова. Ехали долго... На квартиру нас определили к двум старичкам. Муж и жена. Выделили нам комнату с полатами во всю ширину комнаты. Ну, мы как-то разместились на этих полатах: мама, отец, Ева и я.

На стене – керосиновая лампа. Четвертинка от водки, керосин, фитиль, она еле горела... Я опрокинул её ночью, она упала на мешок с мукой...

– Ужас. И уже нельзя было использовать эту муку?

– Всё равно использовали. Очень пахло керосином всё, что мама готовила из этой муки. Давились, но ели, а что было делать? Голод. Есть-то хочется...

Хозяева наши хорошие были старички, тихие, добрые. Папа, помню, часто сидел с хозяином за столом, и они беседовали о жизни...

Ещё помню, как мне однажды ночью в ухо залезло какое-то насекомое. Наверное, таракан. Я страшно испугался, разбудил всех криком. Хозяин принёс чайник с водой, и они с отцом пытались меня освободить от этого непрошенного гостя.

– Борис Иванович, а какая-нибудь работа в этом колхозе для вас была? Для Евы, для родителей?

– Ну, какая работа может быть в колхозе? Только на поле. Помню, мы все что-то убирали. И взрослые, и мы с Евой, да практически все, кто был в колхозе. Мужчин молодых не было – все ушли на фронт. Остались женщины, старики, дети. Все убирали урожай на полях.

– Картошку?

– Видимо, картошку. Точно не помню. А что ещё мы могли убирать?.. И тут на поле увидели странного человека. Никто его не знал. Вышел откуда-то из лесу. Стали его спрашивать: кто он? Откуда? А он молчит, не отвечает. Вроде как немой. Или не понимает русского языка. Кто-то высказал предположение, что это – шпион. Немецкий шпион! Хотя откуда мог взяться немецкий шпион в селе Сенцовка на Урале? И что ему там было делать? За кем шпионить? Но все в то время были настороже, все проявляли повышенную бдительность. Предположение, что поймали немецкого шпиона, всех очень взбудоражило. Повели его в правление. Устроили допрос. Молчит! Решили, что с ним надо говорить по-немецки. Позвали меня, я в школе учил немецкий, несколько фраз

знал. Привели ещё какого-то старика – участника Первой мировой войны, который был какое-то время в немецком плену и тоже знал пару фраз по-немецки. И вот мы, два «знатока» немецкого, пытались с этим человеком говорить на его «родном» языке. Но он всё равно молчал. Ни слова, ни звука. Ни кто он, ни откуда, – выяснить не удалось. Казалось, что он как-то не в себе... Позвонили в район, сообщили, что поймали на полях такого странного человека, по всей видимости – шпиона, который не говорит ни слова. Из района приехала вскоре машина и увезла его. Дальнейшая судьба этого человека никому неизвестна...

– Удивительная история с этим шпионом – и смешная, и грустная.

– Да, почему-то очень запомнилась... Особенно смешно было, как мы вдвоём со стариком, участником Первой мировой войны, пытались говорить с этим человеком по-немецки. А к окнам правления прилипли все жители Сенцовки и жадно смотрели на шпиона, и как мы его допрашиваем...

Рассказ Сударова про брата Владимира, которого не дождалась любимая девушка

– Володя перед войной закончил педагогический техникум. И уже год отработал в школе. У него была девушка, очень хорошая, симпатичная.

В 1939 году его взяли на службу в армию, в 41-м году он должен был вернуться домой. Но он написал в своём последнем письме: «Если вы внимательно читаете газеты и слушаете радио, вы понимаете, что я скоро не вернусь...» Хороший был парень Володя, красивый, девушка у него была симпатичная, ждала его.

И тут война...

Володя приехал в Москву, решил поступать в лётную школу. Хотел стать пилотом. Но его не взяли из-за травмы руки. Травма была, вроде, пустячная и давнишняя: поранил руку, открывая бутылку с сельтерской водой – на запястье был шрам. И вот из-за этого шрама не приняли в лётную школу. То ли рука в области запястья не очень хорошо сгибалась, и это чему-то мешало... неизвестно. Может быть, если бы Володю взяли в лётную школу, то ещё пожил бы. Может, судьба его сложилась бы по-другому. А так – пришлось вернуться в свою часть.

Когда Володя был в Москве, зашёл в гости к сестре Рите. Получается, что она его видела последней. Володя вернулся в свою часть. Было страшное отступление... и попытки сдержать натиск немцев. Июль, август – страшные, кровавые бои... Володя погиб в самом начале войны. Осенью 41-го года. Недалеко от города Калинина...

Когда наша семья была в эвакуации в Чкаловской области, родители написали запрос. От Володи не было писем. И родители послали запрос, они же знали номер его части. И оттуда пришло сообщение о том, что Володя погиб. «Погиб смертью героя» – так было написано. Погиб в Калининской области, у города Опочка.

– И как ваши родители пережили это?

– Ну, как... тяжело, конечно. Хороший был парень Володя... И девушка у него была хорошая, симпатичная...

– Очень печально это всё. Сколько хороших ребят полегло... И сколько хороших девушек не дождалось своих женихов...

– Да, это так...

– Борис Иванович, а вы были на могиле брата?

– А её ведь не существует. Тогда такое страшное отступление было, много, очень много жертв, но хоронить не было возможности... Я сделал потом запрос. Когда уже был взрослым. Пришёл ответ: «Неизвестно».

– Как это печально всё...

* * *

– А двоюродный брат Захар тоже перед войной служил в армии, причём – в Бресте, – говорит Сударов.

– Сын Евгении Исааковны?

– Да, сын тёти Жени.

– И погиб?! Там же творилось что-то страшное – в Бресте...

– Нет, как ни странно, не погиб. Хотя был тяжело ранен. А после войны даже успел жениться, дочка у него родилась, Света. Но очень скоро Захар умер – от последствий того тяжёлого ранения.

– Стало быть, у тёти Жени было три сына, а вскоре после войны осталось два: Лев и Исаак? А чей сын Игорь, который жил в Семхозе?

– Тёти Женин. Игорь – это и есть Исаак. Но у тёти Жени была ещё дочка Рая.

– А, ещё и дочка? Стало быть, ваша двоюродная сестра? И что с ней стало?

– Рая погибла во время войны.

– На фронте?

– Нет. Она в июне 41-го уехала в Минск, сдавать экзамены – поступать в университет. А тут война... И она решила вернуться в Мстиславль. Пошла пешком...

– Это же страшно далеко!

– Да, это страшно далеко. Но она дошла. А тут уже были немцы... А все родные уже эвакуировались, уехали. И она

погибла...

– Неужели её расстреляли в том страшном овраге, в Кагальном рву – вместе с оставшимися в городе евреями?!

– Нет. Она ушла из города... И её никто больше не видел.

Погибла.

– А откуда вы всё это узнали? Вас ведь никого не было в городе, никого из семьи.

– Соседи потом рассказали.

– Боже мой, бедная девочка... Борис Иванович, а из ваших родных кто-нибудь лежит в том овраге?

– Нет.

Но в этом овраге лежат многие горожане маленького города, в котором все друг друга знали. Соседи, друзья, знакомые...

Рассказ Сударова о поступлении в спецшколу: Запах жареной картошки, который запомнился на всю жизнь...

– Школы в Сенцовке не было. Надо было ходить 6 километров до школы. Поэтому мы через какое-то время переехали в районный центр Буланово. Там я окончил шестой класс. Мне было уже 15 лет. Еве исполнилось 18 лет, и её мобилизовали.

– Девочку? На фронт?

– Нет, не на фронт. На строительство завода в Новотроицке. Новотроицк тоже находился в Чкаловской области. Там, в тылу, спешно возводили заводы и фабрики. И нужны были рабочие руки. Ева уехала. Я остался с родителями.

– Самый младший...

– Да, самый младший. И однажды услышал по радио о наборе в артиллерийскую спецшколу. А я очень хотел быть военным. Сказал отцу. Он не возражал. Спецшкола находилась в местечке Илек, всё в той же Чкаловской области. А экзамены надо было сдавать в Чкалове. И я поехал в Чкалов. Меня провожал отец. Он мне дал в дорогу бутылку водки.

– Бутылку водки ребёнку? Зачем?

– Чтобы, если надо, мог расплатиться с шофёром. 100 ки-

лометров до Чкалова, ехали очень долго. Когда приехали, был уже поздний вечер. На улице глухая тьма. Я был в автобусе последним пассажиром. Водитель спрашивает:

– А тебе куда, парень?

У меня был адрес, наши хозяева в Буланово дали мне адрес своих родственников в Чкалове, где я мог бы переночевать. Я сказал адрес шофёру.

– Да это на другом конце города! – говорит он. – Куда ж ты пойдёшь ночью? Идём ко мне, переночуешь, а завтра пойдёшь искать своих знакомых.

И он повёл меня к себе домой. Мы пришли. И его жена очень тепло меня приняла. Молодая женщина, спокойная, приветливая, немногословная. С такой большой, пышной грудью, почему-то это запомнилось... Она нажарила большую сковороду картошки на ужин. Я был очень голоден, и мне показалось, что я ничего вкуснее той картошки в жизни не ел. Мне кажется, я до сих пор помню её запах... Какой-то сказочный... И помню доброту этих людей. Хотя не помню их имён. Я им очень благодарен. Я у них переночевал, а наутро даже не стал разыскивать тех людей по адресу. Сразу пошёл на экзамены.

Приёмная комиссия находилась в центре города, я легко всё нашёл. Экзамены были простыми, даже слишком простыми. Написал диктант, решил какие-то простые задачи. И меня зачислили в артиллерийскую спецшколу №13. Это была киевская спецшкола, эвакуированная из Киева. Мне

сказали, когда нужно явиться к месту сбора.

И я поехал обратно в Буланово. Почему-то автобусов в тот вечер не было. И я ехал всю ночь в открытом грузовике... Приехал в Буланово рано утром, городок ещё спал. Я подхожу к дому, и вижу, что у дома на скамье сидит мой отец. Он очень обрадовался, увидев меня. Мне показалось, что у него в глазах были слёзы. Наверное, он просидел на скамье всю ночь... Так он переживал за меня. Всё-таки я был ещё не очень взрослый, 15 лет, и вот уехал куда-то за 100 километров совершенно один... Я понял в ту минуту, как отец любит меня.

– И он вас обнял, поцеловал?

– Нет, чтобы поцеловал, не помню. Но было и так понятно, что он меня любит.

– А что было потом?

– А потом неожиданно заболела мама, и её решено было везти в Чкалов на обследование. А тут как раз приехала из Новотроицка Ева. Она решила забрать родителей к себе в Новотроицк. Там была какая-то работа, можно было заработать на пропитание. А мне пора было ехать на сбор. И мы отправились в Чкалов все вместе. Ехали долго, на телеге. А в Чкалове мы попрощались и разъехались в разные стороны. И выходит так, что я видел отца тогда в последний раз...

Спецшкола в Илеке. Река Урал, в которой утонул Чапаев...

Мы пьём чай, и Борис Иванович продолжает свой рассказ:

– Грузовик вёз наши вещи и продовольствие, а мы от станции шли строем в Илек. Человек пятьдесят нас было. Кто уже не мог идти, того подсаживали на грузовик.

– А вы шли?

– Шёл... до какого-то момента. А потом и я оказался в том грузовике, – смущённо сказал Сударов.

Видно было, что и сегодня, спустя 73 года, его смущает тот факт, что он не смог одолеть тот маршрут пешком. А я подумала, что он, наверное, был самым маленьким среди новобранцев спецшколы. Сын полка...

– Илек – городок на берегу Урала. Даже не городок, а село. И это уже почти Казахстан. Это как раз то место, где утонул Чапаев... Мы ходили купаться на Урал, и мне показывали это место... Я любил Чапаева, это был мой любимый герой, с детства. Ещё до войны вышел фильм про Чапаева, я его смотрел раз пять, или даже десять... Там, на Урале, очень сильное течение. Но он бы переплыл Урал, если бы его не подстрелили... Бабочкин прекрасно сыграл Чапаева. Очень люблю этот фильм. И другие актёры там тоже замечательные. Все хорошо сыграли.

– Борис Иванович, а вы давно видели этот фильм?

– Очень давно.

– Вот придёте к нам в гости, и я покажу ваш любимый фильм в Интернете.

– А это возможно? – изумился он.

– Конечно. Обязательно посмотрим «Чапаева». Любимые фильмы надо иногда пересматривать. Это как пообщаться с любимым другом. Борис Иванович, а вы захотели стать военным, благодаря Чапаеву?

– Скорее всего, да...

– И что было в этом Илеке?

– Нам сразу выдали обмундирование, мы все постоянно ходили в военной форме. А свою гражданскую одежду я продал на местном рынке, она мне была уже не нужна. И все вырученные деньги, (конечно, не очень большие это были деньги, но всё же), – я их все, до копейки, отослал родителям в Новотроицк.

– А что за ребята были в этой спецшколе? Друзья у вас среди них появились?

– Ребята старших классов, эвакуированные из Киева, были хорошие ребята, интеллигентные. Но старшие с младшими ведь обычно не дружат... А те, которых набрали в младшие классы, были шпанистые. Могли и приворовывать у местных.

– Еду?

– Да, еду всякую. Прямо из кладовых. Разработали такую методу: заходят вдвоём к кому-нибудь из местных в дом,

и пока один о чём-то спрашивает, отвлекает внимание хозяев, второй что-то утаскивает из кладовой...

– Так это от голода, наверное? А не потому, что ребята были плохие.

– Ну, да. Всегда очень хотелось есть... А через год нашу спецшколу перевели в Бузулук.

– О, в Бузулук? Очень красивое место. Всегда, когда еду в Оренбург, люблюсь на зелёные холмы на окраинах Бузулука, они просто завораживают... Каждый раз хочется сойти с поезда и побродить там...

– Но я, честно говоря, не обратил внимание на красоту этих холмов...

– Вы были ещё мальчик, подросток, а подростки редко реагируют на такие вещи. У вас, наверное, были учения, тренировки, и вам было как-то не до того. Не до красот природы.

– Учений особых не было. Мы, в основном, в классах обучались всему. А в тире учились стрелять...

– И сколько вы там проучились, в этой школе?

– Два года. На первые каникулы я съездил в Саратов к Рите, они там были в эвакуации. Навестил сестру. А на вторые каникулы поехал в Новотроицк, где жили Ева и родители. Приехал. Вечер. Ева говорит: «Давай выйдем, погуляем». Вышли. Идём с ней по тёмной улице. Она молчит, я чувствую какое-то напряжение... Она говорит: «Я не хотела тебе писать, чтобы не расстраивать тебя, чтобы это не повре-

дило твоей учёбе. Но нашего папы больше нет». У меня – шок! Хорошо, что было темно, и никто не видел моих слёз... Ева говорит: «Папа заболел, и его увезли в Чкалов, в больницу, Там он умер и там же его и похоронили – в Чкалове».

– Как всё печально... За войну – у вас две такие утраты. брат и отец. Бедная ваша мама... Одно горе за другим. А вы были на могиле отца?

– Нет, никогда. Не знаю даже, на каком кладбище он похоронен.

– Наверное, на Старом кладбище. Оно так и называется – Старое. Там же похоронен и мой друг Миша Бочкарёв. Я была на этом кладбище... Наверное, где-то там покоится и ваш отец...

Мы какое-то время молчим. Я чувствую, что Борис Иванович мыслями в Новотроицке, где они с Евой бродят тёмными улицами, и он с трудом вмещает в себя то, что сейчас услышал от сестры. Сырая, горькая тьма вокруг и в его душе, по его лицу текут слёзы, и он понимает, что домой, где их ждёт мама, он должен вернуться не слабым плачущим мальчиком, но мужчиной. Отныне – он единственный мужчина в их семье. Был самый младший – а стал единственный.

– Борис Иванович, и вы уехали опять в Бузулук?

– Да, я вернулся в Бузулук. А в 44-м году, летом, приехал на каникулах в Москву. Ещё шла война, но все уже постепенно возвращались из эвакуации. Сестра Рита с семьёй тоже вернулась. Они жили в районе Мещанской улицы – Гли-

нистый переулочек, 16. Она меня у себя прописала. Квартира у них была небольшая, но как-то все помещались. Я поступил в артиллерийскую спецшколу №5, учился и жил у Риты. Школа была на Велозаводской улице. Я ходил пешком до Каланчёвки, а оттуда уже ехал на метро. Окончил школу в 1945-м году. Это совпало с Победой.

– Борис Иванович, спасибо за ваш рассказ. Точнее – за целую серию рассказов о вашем детстве. В них много грусти, но и много света. У вас был замечательный отец, он вас любил. У вас была замечательная дружная семья. Мне кажется, я уже хорошо вас всех знаю...

Я ушла от Сударова вечером, не заметив, как пролетел длинный летний день. Мы пили чай с хлебом и казалось, что ничего больше не надо сверх этого. Потому что сверх этого была сама жизнь, далёкая, но при этом очень близкая, которая в рассказах Сударова вставала во всех удивительных подробностях.

В оранжевой прихожей, прощаясь

Еле уговорила его не ходить меня провожать. Хотя он рвался.

– Борис Иванович, есть ещё один плюс в том, что вы поранили ногу.

– Какой же?

– Благодаря вашей ноге, я оказалась у вас в гостях. Уже второй раз, между прочим. А так вы ещё неизвестно когда позвали бы меня в гости. А может, и не позвали бы вовсе.

– Ну, позвал бы, наверное. Правда, у меня такой бардак дома...

– Вот! Вы бы думали про бардак, комплексовали бы из-за этого, и в гости бы не позвали никогда! А это – неправильно. И вот, пришлось судьбе вас немного травмировать – для исправления этой неправильности. Вот она – судьба, в которую вы верите.

Мы смеёмся...

На календаре – 2 августа. Тринадцатый день нашего знакомства.

Спектакль по новеллам Енгибарова

На следующий день, 3 августа, ездила в Культурный центр «Новый Акрополь» на спектакль по новеллам Леонида Енгибарова. Какие они замечательные – Катя Виноградова и Маша Глянц, как я им благодарна, как я их полюбила! Они не играют новеллы – они их проживают. Всем сердцем.

Я звала и Сударова на этот спектакль, ещё до травмы, но сегодня даже не напомнила, чтобы не расстраивать его. В другой раз сходим, когда нога заживёт.

Возвращалась поздно вечером... Почему-то было очень грустно. Хотя во время спектакля была большая радость, но потом охватила большая грусть. Я думала: «Как был бы счастлив Енгибаров, если бы мог увидеть этот прекрасный спектакль!...»

- Девушка, вы так тяжело идёте, у вас что-то случилось?
- Да нет, ничего. Просто устала...
- Может, вам помочь чем-нибудь?
- Спасибо. Но вряд ли вы можете мне чем-то помочь.
- Жаль...

Он пошёл своей дорогой, добрый человек, а я поплелась к дому. Действительно, как-то жутко устала сегодня. Потому что ночь не спала – работала. Надо с этими ночёвками за компьютером завязывать всё-таки.

Мне была приятна участливость незнакомого человека.

К тому же, он назвал меня «девушкой» и рассмешил этим – потому что на вид он моложе моего сына. Но то, что даже прохожие обращают внимание на мою усталую походку, меня это расстроило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.